

**ВЕЛИКИЙ
ПРАВЕДНЫЙ СТАРЕЦ
СТРАСТОТЕРПЕЦ ГРИГОРИЙ**
Григорий Ефимович Распутин-Новый

Ю.Ю. Рассулин — *авторский текст, составление, редакция*

Русская Хоругвь:

<http://rxpress.spb.ru>

info@rxpress.spb.ru

© Copyright: [Юрий Рассулин](#), 2020

Свидетельство о публикации №220123001180

Глава 10
Месть врага рода человеческого

13. Деятельность Джунковского против Григория Распутина

Прембула. Неудачная попытка фабрикации «ялтинского дела».

В усилиях товарища министра внутренних дел и одновременно начальника Отдельного корпуса жандармов Владимира Фёдоровича Джунковского против старца Григория Ефимовича Распутина-Нового заметно слишком сильное желание доказать его виновность. Как следствие, предвзятость и отсутствие объективности, граничащее с полной потерей здравого смысла — вот линия, являющаяся общей для всех, кто работал по Распутину и до Джунковского, и после Джунковского, включая Чрезвычайную Следственную Комиссию, вплоть до сегодняшнего дня.

Прежде, чем перейти к подробному рассмотрению деятельности Джунковского, сделаем небольшое отступление, чтобы наглядно продемонстрировать общий подход, поражающий своим цинизмом. Рассмотрим механизм фабрикации одного лжесвидетельства, которое связано с пребыванием старца Григория Распутина-Нового в

Ялте осенью 1913 г. Суть «свидетельства» в том, что, якобы, Григорий Распутин с Царицей Александрой Феодоровной, будучи в Ялте, глубокой ночью посетили вдову священника Ольгу Аполлоновну Попову и предложили ей 1000 рублей взамен её согласия оклеветать епископа Феофана (Быстрова).

Эта информация, согласно данным Э. Радзинского, получена в результате специальной поездки следователя Чрезвычайной Следственной Комиссии (фамилия не названа) в Ялту с целью допросить Попову, которая на тот момент, надо понимать, была тяжело больна. В показаниях О.А. Поповой, написанных от её лица, говорится следующее: «Вскоре я получила письмо, написанное тонким женским подчерком, без подписи. В письме предлагалось мне опомниться и рассказать правду». [257]

Вникнем в суть сюжета. Из контекста «показаний» следует, что письмо написано не иначе, как Государыней. Якобы, об этом факте стало известно Ч.С.К. в 1917 году. В Ялту был командирован следователь, который взял у парализованной женщины, 60 лет, компрометирующие Государыню и Распутина показания.

Хотя каждому здравомыслящему человеку, хоть немного представляющему, что за личность была святая Государыня Императрица Александра Феодоровна, совершенно ясно, что события, описание которых дано в показаниях, являются полным абсурдом, всё же ради тех, кто всё ещё мало знакомых с жизнью Царской Семьей, необходимо сделать несколько пояснений:

1. Сама ситуация невероятна, чтобы Государыня Императрица Александра Феодоровна — супруга Государя Императора Николая II, преступив нерушимо сложившийся распорядок жизни Царской Семьи, закреплённый к тому же дворцовым этикетом, покинула Царский дворец ради того, чтобы в первом часу ночи разъезжать с Распутиным без охраны по Ялте.

2. Выходит так, что владыка Феофан обладал сведениями против Распутина, оспорить которые, как предполагается, было невозможно. Но каким образом можно доказать, что это действительно так, а не иначе? Если это истина, то она не нуждается в грязных методах доказательства. Однако, был использован именно грязный приём, который заключался в следующем. Была предпринята попытка представить дело таким образом, что будто бы Григорий Распутин, чтобы обесценить информацию владыки Феофана, склонил Царицу совершить нравственное преступление и подкупить человека, заставив его лжесвидетельствовать на неповинного епископа. Таким образом, Распутин традиционно представлен грязным авантюристом, который, изображая из себя праведника перед Царицей, на самом деле являлся проходимцем. Следуя логике обвинителей старца Григория, выстраивается совершенно абсурдная, невероятная картина. Пред кем ломал комедию Распутин? Перед женщиной высочайшей нравственности, твёрдости духа и трезвости ума Государыней Императрицей Александрой Феодоровной, которая хотя и верила в Григория Ефимовича, но не была настолько неразумна и слепа. И если дело дошло до необходимости клеветать на неповинного человека, ради того, чтобы обелить другого, то реакция Государыни была бы незамедлительной — она прекратила бы с подобного рода людьми всякое общение.

3. Спрашивается, как фамилия следователя, получившего показания от парализованной вдовы, ведь все следователи Ч.С.К. известны? Но фамилия следователя по сведениям Радзинского, почему-то не названа.

4. Письмо, полученное парализованной вдовой «от Царицы», конечно же, «без подписи» и идентифицировать его можно только по «тонкому, женскому почерку».

5. Как можно догадаться из слов «не первый год, в параличе, неподвижно лежала», бедная вдова священника вскоре по получению от неё всех необходимых сведений, преставилась, поэтому подтвердить свои показания уже не может.

Что из этого следует? Да просто ничего определённого и осязаемо-серьёзного в этой истории нет. Да и самой истории нет, не существует её в природе. Вывод напрашивается сам собой: ври, ври, да не завирайся. Вот так работала Чрезвычайная Следственная Комиссия под руководством Муравьева, фабрикуя лжепоказания, если, конечно, доверять данным литератора Эдварда Радзинского. Вот так же в отношении Распутина действовал Джунковский, следуя принципу: средства оправдывают цель.

Инцидент в ресторане «Яр». Хроника событий.

События в ресторане «Яр» в марте 1915 г до сих пор остаются одним из главных пунктов обвинений Григория Распутина, несмотря на то, что многие исследователи, среди которых несомненный приоритет принадлежит историку, писателю и публицисту О.А. Платонову, попытались рассеять воздушный мираж мистификаций вокруг имени старца Григория. Но сделать это не так просто, и желаемого результата достигнуть не удалось. Во всяком случае, у Комиссии по канонизации Русской Православной Церкви вопросы остались, что и нашло отражение в докладе председателя Комиссии митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова).

Много в народе ходит поговорок по поводу правды. Вот, например: «всяк про правду трётся, да не всяк её любит»; или ещё: «правду искать, только время терять». Ловко сказано. Бывает и такое: «Правда груба, да нам любя». А вот с этим не поспоришь — закон жизни: «Правда — в лаптях, а кривда — в сапогах».

Есть ещё про Правду у Владимира Высоцкого:

<...>

Тот протокол заключался обидной тирадой,
(Кстати, навесили Правде чужие дела):
Дескать, какая-то мразь называется Правдой,
Ну а сама, вся как есть, пропиалась догола.

Голая Правда божилась, клялась и рыдала,
Долго болела, скиталась, нуждалась в деньгах.
Грязная Ложь чистокровную лошадь украла
И ускакала на длинных и тонких ногах.

Впрочем, легко уживаться с заведомой ложью,
Правда колола глаза и намаялись с ней.
Бродит теперь, неподкупная, по бездорожью,
Из-за своей наготы избегая людей.

<...>

(В. Высоцкий «Баллада о Правде и Лжи»).

Вспоминается и вопрос из известного культового кинофильма: «В чём сила, брат? —... и ответ: — Я вот думаю, что сила в правде. У кого правда — тот и сильнее». Дай то Бог! Но что есть правда? Правда — это действие или поступок, не противоречащий закону Божьему: «ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф.3:15). Поступать по правде призывает нас Божественный Учитель, потому что всякая правда содержит истину. Но... извечная коллизия совопросников мира сего: «Что есть истина?» Истина — смысл вещей, берущий свой исток в первопричине всего, т.е. в Боге. Иисус сказал: «Азъ есмь путь и истина и живот». Итак, человек, поступающий по правде, ничего не приобретает в мирском понимании, его приобретение надмирно, человек приобретает Бога. Так и сказал русский святой князь Александр Ярославич: «Не в силе Бог, а в правде!» А вот старец Григорий Ефимович Распутин-Новый так выразил эту мысль: «Где правда, там Бог!». Цель не малая: подвизаться за правду Божию, чтобы стяжать от Него праведную награду. Такова и наша, немощных, нагих, нищих, кривых и убогих, задача: достичь поставленной выше цели. Что ж, приступим. Господи, благослови!

Для начала воспроизведём канву событий в ресторане «Яр» и сопутствующих ему обстоятельств так, как это отражено в доступных источниках.

22 марта 1915 г. Светлое Христово Воскресение. Из дневника Государя Императора Николая II:

— Светлое Христово Воскресение. Очень красиво был освещён собор бенгальскими огнями снаружи во время крестного хода. Мороз был небольшой и ночь ясная. В 2 часа кончилась обедня. Разгавливались со всеми дочерьми. Спал до 9 ½ ч. День простоял лучезарный. В 11 час. христосование со всеми придворными до 12 ½. После завтрака долго погулял и поработал. В 6 час. приехал Григорий ненадолго. Читал. В 7 час. поехал к вечерне. Вечер провели у Ани с Н. П. Саблиным. [258]

25 марта 1915 г. Григорий Ефимович выехал в Москву.

26 марта 1915 г. Согласно донесению жандармского полковника Мартынова от 5 июня 1915 г. в этот день, 26 марта 1915 г., произошёл инцидент в ресторане «Яр». Суть произошедшего на начальном этапе всей истории, изложены в воспоминаниях начальника дворцовой охраны генерала А. И. Спиридовича:

«25 марта Распутин выехал в Москву, где у него было не мало поклонниц. В один из ближайших дней Распутин закутил с небольшой компанией у Яра. Напился он почти до потери рассудка. Говорил всякий вздор, хвастался знакомством с высокопоставленными лицами, плясал непристойно, полуразделся и стал бросаться на хористок. Картина получилась настолько непристойная и возмутительная, что администрация обратилась к полиции. Бывшие с Распутиным дамы поспешили уехать. Сам он, как бы протрезвев, обругал полицию и уехал, и в тот же день выехал обратно в Петербург. Скандал получил такую громкую огласку в Москве, что растерявшийся Градоначальник, Свиты Его Величества, генерал-майор

Адрианов, друживший с Распутиным, выехал также в Петербург с докладом о случившемся.

У нас, в Царском, шла горячка с приготовлением к отъезду Его Величества в Ставку, когда мне доложили о приезде генерала Адрианова. Генерал был в полной парадной свитской форме. Вид у него был озабоченный. На мой вопрос о столь неожиданном его приезде, генерал рассказал, что он сделал уже доклад министру Маклакову, его товарищу Джунковскому, и что оба посоветовали ему ехать в Царское, добиться, по его положению в Свите, приема у Его Величества и доложить о случившемся.

Вот он и приехал, но прежде чем идти к Дворцовому коменданту, зашёл ко мне посоветоваться. Мы были с ним в хороших простых отношениях. Я был очень поражён оборотом, который придали делу Маклаков и Джунковский. Последний, по словам генерала, особенно настаивал на необходимости доложить о случившемся Государю. Я высказал генералу, что скандал, устроенный мужиком в публичном месте, не является обстоятельством, которое бы позволяло ему, Градоначальнику, делать личный доклад Государю. Наскандалил мужик в ресторане — ну и привлекай его к ответственности. При чём же тут Государь? Если же посмотреть на дело так, что Распутин нечто большее, чем простой мужик, если смотреть на него, как на фигуру политическую, тогда доклад должен быть сделан или министром Маклаковым или его помощником Джунковским. Затем очень странно, что его начальники советуют ему добиться аудиенции как генералу Свиты Его Величества. При чём тут Свита, когда в градоначальстве произошёл скандал по пьяному делу?

Мы обменялись ещё несколькими фразами, и генерал поехал к ген. Воейкову. Видимо Дворцовый комендант не посоветовал Адрианову просить аудиенции и тот вернулся в Москву, предоставив министру самому доложить Государю о случившемся, если тот придаёт этому делу политическое значение. Маклаков сделал Его Величеству доклад и даже оставил его написанным. Государь сказал, что он сам переговорит с Распутиным. Государь сделал старцу весьма строгое внушение и тот должен был уехать к себе в Покровское.

Вскоре меня командировали на Брянский завод, куда должен был приехать Государь. 4-го апреля Государь выехал в Ставку и о Распутине с его скандалом как бы забыли. [259]

26 марта 1915 г. По сведениям генерала А. И. Спиридовича, Г. Е. Распутин-Новый выехал из Москвы в Петроград.

31 марта 1915 г. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков на высочайшем докладе поставил в известность Государя Императора Николая II о происшествии в ресторане «Яр».

31 марта 1915 г. Из дневника Государя Императора Николая II:

— Солнечный день, погулял. Принял Сухомлинова и Маклакова. В час с $\frac{1}{4}$ поехал на Путиловский завод. Осматривал его огромные мастерские с большим

интересом с 2 до 5 ½ час. Рабочие производят хорошее впечатление; их там работает 22 тысячи человек. Вернулся к докладу Сазонова с небольшим опозданием. Обедал Дмитрий Шерем[етев] (деж.). Весь вечер читал. Аликс себя чувствовала лучше, темп. была ниже, горло ещё болело при глотании. [260]

1 апреля 1915 г. Из дневника Государя Императора Николая II:

— Лучезарный день. Немного погулял. Принял доклады: Струкова, Шаховского и Маркевича. Завтракали: Миша и комендант Осовца ген. Шульман. Долго поработал с Алексеем и другими на льду, пилили и рубили одну льдину за другой от 2 ½ до 5 ½ час. После чая принял Булыгина. Обедал Мордвинов (деж.). Вечером посидели втроем с Григорием. У Аликс, слава Богу, горло проходит. [261]

1 апреля 1915 г. Запись в гоф-фурьерском журнале:

«В 8 ч. вечера за обеденным столом Его В. кушали с В. княжнами и флигель-адъютантом Мордвиновым. Её В. кушали отдельно. В половине десятого принимала Григория Ефимовича Распутина». [262]

4 апреля 1915 г. Государь Император Николай II выехал в Ставку в Барановичи, затем направился в Галицию. Маршрут пролегал через Львов, Самборг, Хыров, Перемышль, затем Проскуров, Одесса, Симферополь, Севастополь, Брянск, Орёл, Москва, Тверь. Вернулся Государь в Царское Село 22 апреля.

4 апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Ты всех очаровываешь, только мне хочется, чтобы ты их всех держал в руках своим умом и опытом. Хотя Н. [Вел. Князь Николай Николаевич] поставлен очень высоко, ты выше его. Нашего Друга так же, как и меня, возмутило то, что Н. пишет свои телеграммы, ответы губернаторам и т. д. твоим стилем, — он должен бы писать более просто и скромно. [263]

5 апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Девочки только что пошли в церковь. Бэби свободнее двигает руками, хотя говорит, что в локтях все ещё есть вода. Вчера он с Вл. Ник. был у Ани, она была вне себя от радости; сегодня он опять пойдёт повидать Родионова и Кожевникова [*офицеры Гвардейского экипажа*]. Сейчас у неё Вл. Ник. Показывает, как электризовать её ногу — каждый день новый доктор. Татьяна и Анастасия были у неё днём и встретили там нашего Друга. ...

Дорогое моё сокровище, — как мне тебя недостаёт! Дни такие длинные и одинокие. Когда голова у меня меньше болит, я выписываю себе изречения нашего Друга, и время проходит быстрее. [264]

6 апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

«Мой дорогой, любимый,

Бесконечно благодарна тебе за твоё драгоценное письмо, которое только что получила. Такая для меня радость и утешение иметь о тебе известия — мне страшно тебя недостает! Так вот почему ты не поехал так, как собирался. Но меня беспокоит твоя мысль о поездке в Л[ьвов] и П[еремышль], не рано ли ещё? Ведь настроение там враждебно России, особенно в Л. Я попрошу нашего Друга особенно за тебя помолиться, когда ты там будешь. ...

Au fond наш Друг предпочёл бы, чтобы ты поехал в завоёванные области после войны — пишу тебе это между прочим. Курьер ждёт моего письма. Любимый Ники, моё сокровище, покрываю твоё лицо и любимые большие глаза самыми нежными поцелуями. Навсегда твоя *Солнышко*. [265]

7 апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

«Как интересно все то, что ты намерен сделать! Когда Аня сказала Ему [Григорию Евфимовичу] по секрету (так как я просила Его особых молитв для тебя) о твоём плане, Он, странным образом, сказал то же, что и я, — что в общем Он не одобряет твоей поездки и «Господь пронесет, но безвременно (слишком рано) теперь ехать, никого не заметит, народа своего не увидит, конечно, интересно, но лучше после войны»». [266]

Из воспоминаний генерала А. И. Спиридовича:

«...я получил приказание выехать немедленно со своим отрядом в Галицию, во Львов, явиться к генерал-губернатору Бобринскому и принять все нужные меры охраны ввиду приезда в Галицию Его Величества. Я был поражён.

Как, Государь поедет во Львов? В город, только что отвоёванный у неприятеля, где мы ничего не знаем. Как же можно так рисковать, да ещё во время войны, ведь это безумие. Генерал Воейков был вполне согласен со мной: поездка эта весьма рискованная, меры приходится принимать наспех, но такова воля Государя. Поездка была придумана ставкой, предложена Государю Великим князем [Николаем Николаевичем]». [267]

8 апреля 1915 г. Государь покинул Ставку.

9 апреля 1915 г. Императорский поезд прибыл на станцию Броды, где Государя ждал поезд Вел. князя Николая Николаевича. В этот же день Государь Император Николай II прибыл во Львов.

9 апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Спасибо за письмо из Брод. Как приятно, что там хорошая погода! Наш Друг благословляет твою поездку. Я всё время о тебе думаю. ... Аня просидела около часу. Теперь наш Друг у неё, а девочки после прогулки пошли в Большой

Дворец. Бэби в саду. Я ношу твой дивный крестик. Да благословит, сохранит и направит тебя Господь! [268]

10 апреля 1915 г. Государь выехал из Львова поездом в Самбор, где Его Величество был встречен генералом Брусиловым, которого Государь при встрече трижды расцеловал. В ответ растроганный Брусилов поцеловал руку Государя. Вечером Государь со свитой прибыли в Перемышль. На следующий день после осмотра разбитых фортов крепости на автомобилях вернулись во Львов.

10 апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Аня передала нашему Другу содержание твоей телеграммы. Он благословляет тебя и очень рад, что ты счастлив. Сегодня погода как будто поправляется, мне кажется, так что я смогу лежать на воздухе. Сердце всё ещё расширено, температура поднялась до 37,2 — сейчас 36,5 и большая слабость, — мне будут давать железо. Гр[игорий] несколько расстроен «мясным» вопросом, — купцы не хотят понизить цены на него, хотя правительство этого требует, и было даже нечто вроде мясной забастовки. Наш Друг думает, что один из министров должен был бы призвать к себе нескольких главных купцов и объяснить им, что преступно в такое тяжёлое время повышать цены, и устыдить их. [269]

11 апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Мой дорогой,

Твоя вчерашняя телеграмма нас осчастливила. — Слава Богу, что у тебя столь приятные впечатления, — что тебе удалось повидать Кавк[азский] Корпус и что погода стоит совсем летняя. В газетах я прочла краткую телеграмму Фредерикса из Львова, описывающую собор, крестьян, обед, назначение Бобр[инского] в твою свиту — какой великий исторический момент! Наш Друг в восторге и благословляет тебя. [270]

12 апреля 1915 г. Вечером в вагоне поезда «Литера Б», в котором ехала Императорская свита между офицерами произошёл следующий разговор, переданный информатором генералу Спиридовичу:

«Перешли на петроградские новости. «Ну, Глинка, теперь вы нам сообщите, что у вас там в Петербурге Григорий Богомерзкий делает», — обратился по обыкновению ко мне Дубенский, именуя так Распутина. Все расхохотались. Я рассказал, что Распутин стал много пить, чего до войны за ним не замечалось. [Очевидно, что мнение генерала Спиридовича было сформировано на основе информации о недавнем происшествии в ресторане «Яр» — прим. Ю.Р.] Говорят, он очень сердился, что Государя убедили ехать в Галицию, считал, что эта поездка не своевременна, но что он молится, и потому все в ней пройдёт благополучно». Мой информатор подшучивал, конечно, насчёт молитв Старца, но относительно

несвоевременности поездки писал серьёзно и прибавлял, что некоторые очень неодобрительно отзываются за это о ставке.

Дар ясновидения у Распутина был, и то, что он предрекал в столице, как будто стало сбываться относительно Галиции». [271]

13 апреля 1915 г. Посещение Государем городов Проскурова и Каменец-Подольска. В последний Государь со свитой прибыл на автомобилях. Везде трогательная, теплая встреча со стороны местного населения.

13 апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Как я рада, что ты увидишь наших дорогих моряков!

Узнай, сколько там батальонов пластунов, тогда я смогу прислать иконы. Наш Друг радуется, что ты поехал на юг. — Он все эти ночи горячо за тебя молился, — почти не спал, так беспокоился за тебя — ведь какой-нибудь паршивый еврей мог бы причинить несчастье. [272]

14 апреля 1915 г. Императорский поезд прибыл в Одессу. Вновь оказан радужный приём, отовсюду горячие приветствия.

Речь Государя Императора Николая II, произнесённая в Одессе и обращённая к морякам Гвардейского экипажа, августейшим шефом которого была Государыня Императрица Александра Феодоровна:

— Я счастлив, что могу напутствовать Гвардейский экипаж перед началом его второго похода. Когда я уезжал из Петрограда, августейший шеф ваш просил меня передать своё благословение и привет родному Гвардейскому экипажу. Во время последней Русско-турецкой войны Гвардейский экипаж занимал Константинополь. Уверен, что Господь Бог приведёт вас и ныне вступить в Царьград во главе наших победоносных войск. Дай Бог вам дальнейших успехов и окончательной и славной победы над упорным врагом. Господа офицеры, благодарю вас сердечно за первую часть совершённого вами похода, за неутомимую, ревностную, честную службу. Вам, молодцы, за совершённый уже поход, за славную боевую службу сердечное спасибо! Прощайте, молодцы. [273]

15 апреля 1915 г. Государь осмотрел судоремонтные верфи и судостроительные заводы города Николаева.

15 апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Мое любимое сокровище,

Ветреный, холодный день. — Ночью был мороз. Ладожский лёд проходит, так что мне не придётся лежать на воздухе. Температура была вчера 37,2, но это ничего не значит, чувствую себя положительно лучше, так что хочу пойти к Ане и повидать у неё нашего Друга, который желает меня видеть. [274]

Из воспоминаний генерала А.И. Спиридовича:

«Царица была больна почти до середины апреля. Вышла лишь 15 апреля и сразу посетила больную подругу Вырубову, куда приезжал на полчаса и Старец».
[275]

16 апреля 1915 г. Государь прибыл в Севастополь. На рейде Государя Императора приветствовал весь Черноморский флот, только что вернувшийся из боевого похода, в котором русская эскадра бомбардировала укрепления Босфора, уничтожила береговую батарею, потопила вражеский миноносец и заставила весь турецкий флот укрыться на внутреннем рейде.

16-го Апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Наш Друг вчера вечером долго оставался у Ани, но был так хорош! Он много расспрашивал о тебе». [276]

18 апреля 1915 г. Государь покинул Севастополь и отправился на север по маршруту: Харьков, Брянск, Москва, Тверь, Царское Село. Особенно теплый приём был оказан Государю в Твери.

Из речи тверского предводителя дворянства Павла Павловича Менделеева:

«Светлым праздником искони было для всех городов и всей державы Ваше царское посещение. Но в грозный час народных бедствий общение с Царём не только великая радость, но и насущная потребность. Предстать в такой день перед Вашими, Государь, очами, значит, приобщиться ко всей неодолимой мощи Государства Российского. <...> Непобедима мощь России, духовно слившейся с Царем». [277]

Из воспоминаний генерала А. И. Спиридовича:

«Петроград был полон сплетен и, казалось, меньше всего думал о фронте. Говорили о скандале Распутина в Москве, о котором мы в путешествии почти забыли, о случившемся неделю назад большом взрыве на Охтенских пороховых заводах, который приписывали немецким шпионам». [278]

18 апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Наш Друг говорит, что если станет известно, что взрыв произошёл вследствие поджога, то ненависть против немцев ещё усилится. — А тут ещё эти проклятые аэропланы в Карпатах! Я пошлю денег беднейшим семьям и иконы раненым. [279]

Из воспоминаний генерала А. И. Спиридовича:

«Затем уже стали буквально кричать с каким-то удивительным злорадством о начавшихся наших неудачах в Галиции». [280]

18-19 апреля 1915 г. Немцы нанесли мощный артиллерийский удар по 3-ей армии генерала Радко-Дмитриева. Фронт 3-ей армии был прорван. Началось отступление 3-ей и 8-ой армий к Сану и Днестру. Как пишет Спиридович, всё «походило на катастрофу». Радость от взятия Львова и Перемышля, от осознания победы над врагом в Галиции и освобождения православного населения Западной Украины оказалась преждевременной, о чём и предупреждал Григорий Ефимович.

20 апреля 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Да мой друг, я знаю, ты одинок, и мне всегда так грустно, что наш Солнечный Луч ещё слишком мал, чтобы тебя сопровождать повсюду. Твои родные очень милы, но никто из них тебе не близок, и не понимает по-настоящему тебя. — Какое будет торжество, когда ты вернёшься! — Анина тётя поспешно вернулась из Митавы, губернатор тоже выехал в панике со всеми документами — немцы идут! — наших войск там нет! Думаю, что германские разведчики уже под Либавой. Я уверена, что они хотят высадить массы своих бездействующих моряков и другие войска, направить их вниз на Варшаву с тыла или вдоль побережья. Это мне уже с осени всё приходило в голову. — Наш Друг считает их страшно хитрыми, находит положение серьёзным, но говорит, что Бог поможет. — Моё скромное мнение таково: почему бы не послать несколько казачьих полков вдоль побережья или не продвинуть нашу кавалерию немного ближе к Либаве, чтобы помешать немцам всё разрушить и утвердиться с их бесовскими аэропланами? Мы не должны позволить им разрушать наши города, не говоря уж об убийстве мирных жителей. [281]

23 апреля 1915 г. День Ангела Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Телеграмма Григория Ефимовича — Государыне Императрице Александре Феодоровне:

— Петроград — Ц. С. — А.Ф.

С ангелом поздравляю великую нашу труженицу, мать русской земли стёрла своими слезами у своих детей воинов раны ихние слезы и воздыхания радости пребывания видят очи ихние приходят в забвение небывалого случившегося с ними и болезни забывают от любви твоей к ним. [282]

27 апреля 1915 г. Из дневника Государя Императора Николая II:

— Понедельник. Холодная погода продолжалась. Вчера узнали о занятии немцами Либавы вдоль берега. Утром видел Комарова, вернувшегося из командировки в Одессу, Львов и Перемышль. После завтрака приняли трёх офицеров Л.-Гв. Кон. Арт. по случаю её праздника. Гулял с дочками и катался в байдарке. Миша пил чай. В 6 ½ принял Саблера. Вечер провели у Ани с Григорием. [283]

4 мая 1915 г. Из дневника Государя Императора Николая II:

— Понедельник. Холодная погода с ливнями. До докладов погулял. После завтрака занимался. Сделал прогулку с Мари и Анастасией и покатался в «Гатчинке». В 6 час. принял Маклакова. После обеда видел Григория, кот. благословил на дорогу. В 10 час. поехали к молебну и через полчаса простился в поезде с дорогой Аликс и дочками. Пил чай с господами свиты. [284]

6 мая 1915 г. Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, чудотворца. День Ангела Государя Императора. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Такое ясное утро (хотя свежо) — пусть это будет хорошим предзнаменованием! Чудная телеграмма от нашего Друга, наверное, обрадовала тебя — поблагодарить мне Его за тебя? Напиши в телеграмме привет Ане, в благодарность за её открытку. [285]

7 Мая 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Пошла к Ане и просидела до 5-ти. Видела там нашего Друга. Он много думает и молится о тебе: «Сидели вместе, беседовали — а всё-таки Бог поможет». Это ужасно не быть с тобой в такие тяжёлые и тревожные времена! [286]

9 мая 1915 г. Из дневника Вел. княжны Ольги Николаевны:

— Суббота. 9 мая. Именины Николая Павловича и Емельянова. В 9 часов прибыли, около 10 часов заехали к «Знамению», к Ане и в лазарет. Перевязала Немчинова 322-го пехотного полка, рана правого локтя, Ольковича 74-го Ставропольского полка, после ампутации левой стопы, и Водяного 150-го Таманского полка, отрезан язык и часть ушей, после Алейникова, Гаскевича 110-го Камского полка, рана правого бедра, и Друпса, рана живота, 224-го Юхновского полка. С другими в коридоре стояли. Свежо, солнце, вечером 3 тепла. Днём с Марией в шарабане. Татьяна с Анастасией. Папá остаётся ещё несколько дней. В 6 часов с Мама́ на кладбище. У Гр[игория] Ефим[овича] были. После ко Всенощной. Хорошо, всё в зелени. Около 11 часов спать. Соня Орбелиани завтракала. [287]

11 мая 1915 г. Новый тяжёлый удар нанесён Русской армии немцами. Прорвана линия обороны на участке реки Сан между Ярославом и Перемышлем.

11 мая 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Наш Друг виделся с Барком [*П.Л. Барк — министр финансов*], и они хорошо поговорили в течение двух часов». [288]

14 мая 1915 г. Государь Император Николай II возвратился из Ставки в Царское Село.

14 мая 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Петрограда в Царское Село — Государю Императору Николаю II:

— Петрогр. — Ц. С. — Е. В.

Поздравляю с днём звучной радости. Хотя и буря а звуки радости не прекратятся. Благодать совершилась на тебе и будет на детях твоих. [289]

Цепочка дальнейших событий изложена в воспоминаниях В.Ф. Джунковского. Его рассказ о происшествии в ресторане «Яр» предваряет описание посещения Джунковским Москвы в начале мая по случаю дня рождения Вел. князя Сергея Александровича, а также описание встречи с Зинаидой Юсуповой и обсуждения с ней назначения её мужа, князя Феликса Феликсовича Юсупова, главноначальствующим Москвы и главным начальником Московского военного округа. В свою очередь, поездке в Москву предшествовал длительный период пребывания в прифронтной зоне для обеспечения безопасности Государя, затем поездка в Ставку с той же целью. И только лишь затем, где-то в середине мая, т.е. через полтора месяца после событий в «Яре», Джунковский плотно занялся Г.Е. Распутиным-Новым.

«Вернувшись в Петроград, — пишет Владимир Фёдорович, — я нашёл у себя целый ряд донесений о Распутине за последние месяцы, привожу некоторые из них.

1. Распутин-Новый послал телеграмму в Покровское сельскому старосте: «Лес выхлопотал даром возить, когда разрешат рубить».

2. Послал телеграмму: «Царское, Дворцовый госпиталь, Анне Александровне Вырубовой. Хотя телом не был, радуюсь духом, чувство моё — чувство Божие, посылаю ангела утешать и успокаивать, позови доктора».

3. Распутин-Новый принял прошение от крестьянина Саратовской губернии Гавриила Пантелеева Шишкина на высочайшее имя с просьбой о помиловании (приговорён судом к заключению в крепости по делу о какой-то секте) и крестьянина Тамбовской губернии Александра Осипова Слепцова тоже о помиловании, осуждённого за подлоги каких-то векселей. За хлопоты с них взял по 250 руб., и 7 марта посылал их лично в Царское Село, к Вырубовой.

4. Артельщик Гинсбурга — поставщика угля на флот, крестьянин Август Корнилович принёс Распутину-Новому 1000 руб. и отдал под расписку в разносной книжке.

5. Симанович принёс Распутину-Новому несколько бутылок вина. В этот вечер у Распутина-Нового был бал в честь каких-то освобождённых из тюрьмы. На балу были: супруги Волынские, Шаповальникова, Мария Головина и ещё поодиночке пришли 4 мужчины и 6 женщин, у одного из мужчин была гитара. На вечеринке было очень шумно: пели песни, плясали и кому-то аплодировали, — гулянье затянулось до позднего времени. [...].

6. Распутин-Новый с неизвестной женщиной проведён в дом № 15-17 по Троицкой улице к князю Андронникову, отсюда выхода его не видели, а в 4 с половиной часа утра пришёл домой в компании 6 пьяных мужчин, которые

пробыли до 6 часов утра — пели и плясали. Утром Распутин-Новый никого не принимал, так как спал.

7. Распутин-Новый послал телеграмму: «Царское Село, Вырубовой. Скажи завтра Коровиной, чтобы была у тебя в три».

8. К Распутин-Новому приходила Ежова Евгения Карловна просить его содействия по устройству ей подряда поставки белья для войск миллиона на два рубля. Около 1 часа ночи к Распутину-Новому пришли 7-8 мужчин и женщин во главе с прапорщиком Кирпотиным и пробыли до 3 часов ночи. Вся компания пила, кричала, пела песни, плясала, стучала, и все, пьяные, вышли вместе с Распутиным-Новым и отправились неизвестно куда, а 11 марта, в 10 часов 15 утра, Распутин-Новый встречен был один на Гороховой улице и проведён в дом № 8 по Пушкинской улице к проститутке Трегубовой.

9. Поган /так/ принёс икону и кружку для постановки в передней в квартире Распутина-Нового для сбора пожертвований.

10. В отсутствии Распутина-Нового приходила просить Ниценко Варвара об освобождении её дяди полковника Жилецкого, призванного из запаса, за что обещала дать ему 1000 руб.

11. Распутин-Новый прибыл из Москвы. Послал телеграммы в Москву: 1) «Б. Гнездиковский пер., д. 10, княгине Тенишевой: Радуюсь за откровение, обижен за ожидание, целую свою дорогую». 2) Козицкий пер. д. Бахрушина, Джануловой /так/: «Ублажаемое сокровище, крепко духом с тобой, целую». [...]

В последнем донесении из Москвы я обратил внимание на недостаточное освящение поведения Распутина в загородном московском ресторане «Яр» и потому приказал Департаменту полиции затребовать от Московского охранного отделения по сему поводу более подробные сведения.

Это, очевидно, встревожило градоначальника Адрианова, который приехал ко мне в Петроград, кажется 15 или 16 мая, чтобы лично доложить о поведении Распутина в ресторане «Яр», не решаясь это изложить письменно.

Выслушав его подробный доклад о возмутительном, непристойном поведении Распутина, и при этом в весьма подозрительной компании, я предложил Адрианову, приехав в Москву, письменно изложить мне всё доложенное и прислать при письме. Это ему не особенно понравилось, но возражать он мне не мог и обещал исполнить.

После этого прошла неделя, а от Адрианова никакого донесения не поступило. Я послал тогда депешу с предложением немедленно прислать требуемое по делу Распутина. Наконец, я вынужден был командировать в Москву особое лицо с письмом, с тем чтобы градоначальник препроводил мне свой ответ с этим лицом, и только тогда я получил требуемое. Это было 27 мая. При этом Адрианов всё же не решился написать что-либо от себя, а препроводил мне только подлинный рапорт пристава 2 участка Сущёвской части подполковника Семёнова о происшествии в ресторане «Яр», без номера и без числа. Всё это доказывает, как боялись все возбудить против себя неудовольствие этого проходимца и шарлатана.

Рапорт подполковника Семёнова гласит следующее. «Его превосходительству московскому градоначальнику. Рапорт. В ночь с 26 на 27

марта сего года в ресторан «Яр» приехал Распутин в компании с Соедовым, Решетниковой и ещё какой-то молодой женщиной и вызвали в ресторан Кугульского (видный корреспондент московских газет — прим. В.Ф. Джунковского). Распутин приехал уже выпивши. Вся компания взяла отдельный кабинет, пригласили русский хор и заказали себе ужин. Распутин требовал, чтобы хор пел, заставляя плясать циничные танцы, сам плясал русскую, подсаживал к себе певиц и говорил с ними всякие двусмысленности, приглашая к себе на квартиру. Распутин позволял себе непочтительно упоминать имя императрицы, говоря: «Воображаю, как на меня злилась бы, если бы увидела меня сейчас». Затем, показывая на свой кафтан, хвастал певицам, говоря, что кафтан ему шила сама императрица. Распутин вообще вёл себя крайне цинично с самого начала, как только пришли певицы, он* ... (далее полторы строчки зачёркнуто — прим. Редакции издания) говоря, что он всегда так знакомится с женщинами. За всё платила бывшая с Распутиным молодая женщина, которую он заставлял платить и певицам. Распутин дал нескольким певицам записки, написанные им. В записках были различные изречения, например: «Люби бескорыстно» и т. д. Вся компания пробыла в кабинете около двух часов и уехала. Распутин всем объявлял, кто он такой. Подполковник Семёнов». [290]

На этом месте прервём цитирование, чтобы поместить уместные здесь (в том числе и с точки зрения хронологии) рапорты начальника Московского охранного отделения полковника Мартынова Джунковскому. Тексты этих рапортов Джунковский не счёл нужным поместить в книгу своих воспоминаний. Они были обнаружены в архивах историком О. А. Платоновым.

Рапорты полковника Мартынова Джунковскому:

«Его превосходительству г-ну товарищу министра внутренних дел, командующему отдельным корпусом жандармов (Джунковскому).

По сведениям Пристава 2 уч. Суцевской части г. Москвы полковника Семёнова, 26 марта сего года, около 11 час. вечера, в ресторан «Яр» прибыл известный Григорий Распутин вместе с вдовой потомственного почетного гражданина Анисьей Ивановной Решетниковой, сотрудником московских и петроградских газет Николаем Никитичем Соедовым и неустановленной молодой женщиной. Вся компания была уже навеселе. Заняв кабинет, приехавшие вызвали к себе по телефону редактора-издателя московской газеты «Новости сезона», потомственного почетного гражданина Семена Лазаревича Кугульского и пригласили женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал «матчиш» и «кэж-уок». По-видимому, компания имела возможность и здесь пить вино, так как опьяневший еще больше Распутин плясал впоследствии «русскую», а затем начал откровенничать с певичками в таком роде: «Этот кафтан подарила мне «старуха», она его и сшила», а после «русской»: «Эх, что бы „сама“ сказала, если бы меня сейчас здесь увидела». Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер какой-то половой психопатии: он будто бы обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести разговоры с певичками, раздавая

некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде «любим бескорыстно», прочие наставления в памяти получивших их не сохранилось. На замечания заведующей хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя пред женщинами, и продолжал сидеть в том же виде. Некоторым из певичек Распутин дал по 10—15 руб., беря деньги у своей молодой спутницы, которая затем оплатила и все прочие расходы по «Яру». Около 2 часов ночи компания разъехалась.

Об изложенном, вследствие телеграфного приказа от 31 минувшего мая за № 1330, имею честь донести вашему превосходительству.

Полковник Мартынов». [291]

«Его превосходительству г. товарищу министра внутренних дел, командующему отдельным корпусом жандармов. В дополнение к донесению моему от 5-го сего июня за № 291834, имею честь представить при сем Вашему Превосходительству одну из собственноручных записок Григория Распутина, из числа розданных им певичкам женского хора ресторана «Яр», при посещении им этого увеселительного заведения 26 марта сего года. Записка написана карандашом на обрывке листа писчей бумаги и крайне неразборчива по малограмотности ее автора, но, по-видимому, читается так: «Твоя красота выше гор. Григорий».

Полковник Мартынов». [292]

«Получив этот рапорт [*пристава Семёнова*], — пишет В. Ф. Джунковский в своих воспоминаниях, — я приказал уже лично начальнику охранного отделения в Москве подполковнику Мартынову, помимо градоначальника, подвергнуть его разработке по существу и выяснить участие в этом кутеже всех лиц, окружавших Распутина. Мартынов тотчас же исполнил данное ему поручение и донёс следующее.

«Дополнительно собранными секретным путём сведениями выяснились те условия, при каких происходила поездка в марте сего года известного Григория Распутина в московский ресторан «Яр», о каковой поездке было мной донесено ранее особым докладом.

В кругах московских дельцов средней руки, не брезгующих подчас делами сомнительной чистоты, давно вращается дворянин, занимающийся отчасти литературным трудом, Николай Никитич Соедов. Названное лицо, прожив давно имевшийся у него когда-то капитал, уже 25 лет живёт в Москве без определённых занятий, занимаясь отчасти комиссионерством, отчасти литературой, и имеет знакомства в самых широких слоях Москвы. За это время круг его афер естественно суживался по мере того, как за ним упрочивалась репутация «тёмненького» человека, живущего подачками, мелкими займами и кое-какими перепадающими доходами, иногда не совсем из чистых источников. Литературный труд Соедова ограничивается уже давно участием в бульварной прессе и помещением изредка статей в «Петроградских ведомостях» с хроникой из московской жизни; в этих статьях Соедов постоянно не забывал упоминать в самом хвалебном тоне о действиях московской администрации, чем стремился быть, как

он полагал, полезным и приятным лицом. В этом смысле он неуклонно пользовался каждым случаем, чтобы напомнить о себе московскому градоначальнику Свиты Его Величества генерал-майору Адрианову.

Будучи весной сего года в Петрограде, Соедов, рассчитывая на влияние и связи Распутина в высших сферах Петрограда, попал к нему как представитель прессы, познакомился с ним и сумел, видимо, заинтересовать собой последнего. Во время приезда Распутина в Москву в марте месяце сего года Соедов немедленно явился к нему и принялся за проведение чрез Распутина придуманного им за это время плана принять поставку на интендантство солдатского белья в большом размере. Соедов, конечно, в этом деле рассчитывал не на непосредственное участие, а на комиссионерское и привлечение к этому делу лиц из сравнительно денежной среды, которые бы могли этим делом заработать деньги. Видимо ещё в Петрограде Соедов заинтересовал Распутина этим делом и обещал ему известный процент с него, если Распутин выполнит, благодаря своим связям, проведение этого дела в интендантстве. Распутин, обещая поддержку, указывал на несомненное покровительство ему в этом деле, которое он рассчитывал встретить в лице высоких особ.

Самая пирушка у «Яра» была как бы некоторой, необходимой в таких случаях, обычной в московских торговых кругах «вспрыской» предположенного дела. Так как Соедов ещё ранее предложил своему хорошему знакомому, также очень известному в московских широких кругах газетному дельцу Кугульскому участие в названном подряде, то он вызвал его к «Яру» на упомянутую пирушку, и Кугульский, в счёт ожидаемых благ, дал известную денежную сумму на устройство кутежа.

У «Яра» компания заняла кабинет, куда были приглашены хористки, причём Распутин, вскоре придя в состояние опьянения, стал вести себя более чем развязно и назвал себя.

Немедленно весть о пребывании Распутина в кабинете у «Яра» и его шумное поведение вызвали огласку в ресторане, причём хозяин ресторана Судаков, желая избежать неприятностей и излишнего любопытства, стал уверять, что это не настоящий Распутин, а кто-то другой, кто нарочно себя им назвал. Когда, однако, это дошло до Распутина, то он уже стал доказывать, что он настоящий Распутин, и доказывал это самым циничным образом, перемешивая в фразах безобразные намёки на свои близкие отношения к самым высоким особам.

Что касается самого дела о поставке белья, то судя по тем же данным, оно ожидаемого успеха не имело, так как Соедов выяснил в конце концов, что предложенная им цена не более разнится от цены, предлагаемой интендантством, по крайней мере, копеек на 25 в штуке (что-то вместо ожидавшихся 1 руб. 30 коп. — около 1 руб. с чем-то, точно цифры не удалось установить). Предложенная поставка белья, таким образом, расстроилась.

Все эти факты, собранные о Распутине, показались мне вполне достаточными, чтобы составить на основании их докладную записку и представить её Государю, так как не высказать своему монарху правду о Распутине я считал для себя нарушением присяги, и мысль эта меня давно преследовала, я только ждал,

когда накопится достаточный материал и представится случай для личного доклада. Материал получился, оставалось ждать удобного случая для доклада, каковой, благодаря возникшим в Москве беспорядкам, представился очень скоро». [293]

18 мая 1915 г. Из дневника Государя Императора Николая II:

— Понедельник. Очень теплый день. Утром погулял. От 11 ч. до часа были обычные доклады. После завтрака принял уезжающего греческого посланника Драгумиса.

В 3 часа сделал смотр на софийском плацу: 2-му Кубанскому каз. полку, пулеметной команде 2-й Кубан. каз. див., 18-й Донской каз. батарее и Л.-Гв Тяжелому артил. дивизиону — вновь сформированному. Остался очень доволен. Все казачьи части прошли мимо Большого дворца к Конвою, где их угостили. Покатался в байдарке. Д. Павел и Мари пили у нас чай. Приняли вместе пол. Хогандокова. Затем у меня был Танеев. После обеда к нам зашёл Григорий. [294]

Из воспоминаний генерала А. И. Спиридовича:

«Петербург кипел. Непрерывающееся отступление в Галиции и слухи о больших потерях породили всплеск ругани и сплетен. Говорили, что на фронте не хватает оружия и снарядов, за что бранили Сухомлинова и Главное артиллерийское управление во главе с великим князем Сергеем Михайловичем. Бранили генералов, бранили ставку, а в ней больше всего Янушкевича. Бранили бюрократию и особенно министров Маклакова и Щегловитова, которых уже никак нельзя было обвинить в неудачах в Галиции.

С бюрократии переходили на немцев, на повсеместный шпионаж, а затем всё вместе валили на Распутина, а через него уже обвиняли во всем Императрицу. Она, бедная, являлась козлом отпущения за всё. В высших кругах кто-то пустил сплетню о сепаратном мире. Кто хочет, где хотят — не говорилось, но намеками указывалось на Царское Село, на двор. А там никому и в голову не приходило думать о таком мире. Там витала лишь одна мысль — биться, биться и биться до полной победы». [295]

27 мая 1915 г. произошли беспорядки в Москве. В течение трех дней простой народ громил немецкие магазины. Пустили слух, что у Вел. княгини Елизаветы Феодоровны скрывается её брат великий герцог Гессенский Эрнст Людвиг. Хотели разгромить Марфо-Мариинскую обитель. По словам Спиридовича, «Охранное отделение видело в происходившем подпольную работу немецких агентов и наших пораженцев». [296]

31 мая 1915 г. Из дневника Государя Императора Николая II:

— Воскресенье. Были у обедни. Завтракала Dysku, недавно вернувшаяся с передовых позиций. Днём погуляли. Погода была прохладная. Алексей ездил в Гатчину. В 6 ч. принял Родзянко. После обеда покатался с дочками в моторе. Видели Григория вечером. [297]

1 июня 1915 г. Из дневника Государя Императора Николая II:

— ... В 10 час. принял Джунковского по возвращении его из командировки в Москву по случаю беспорядков и погромов ... [298]

Из воспоминаний генерала А. И. Спиридовича:

«4-го числа произошло событие, коснувшееся Распутина, а потому всполошившее и его сторонников и противников.

Одним из ярких анти-распутинцев считался генерал Джунковский, про которого даже говорили, что он как-то побил Распутина, что, конечно, являлось полнейшим вздором, но когда об этом спрашивали генерала, то он в ответ только загадочно улыбался — понимай как хочешь.

Оба они, министр и его помощник, после знаменитого скандала «у Яра», в общем ничего неприятного Старцу не сделали. И вот теперь, четыре месяца спустя, 4 августа, Джунковский, воспользовавшись правом Всеподданнейшего доклада по делам полиции, сделал Государю в Царском Селе доклад о Старце, взяв за основу скандал «у Яра».

Джунковский, состоя в правительстве и в свите Государя, по существу оставался москвичом, принадлежавшим кружку Вел. Кн. Елизаветы Фёдоровны. Там были все его воспоминания по приятной, службе при Вел. Кн. Сергее Александровиче, по губернаторству, по его личным, общественным и сердечным симпатиям. Оставшаяся при Елизавете Фёдоровне его сестра Евдокия Фёдоровна, являлась его живою, физической связью с Москвой.

И вот, теперь, действуя в полном идейном согласии с главными Московскими антираспутинскими кружками с одной стороны, с другой же стороны, не будучи связан с Маклаковым, который ушёл, и поддавшись вновь (как в 1905 году) поднимающейся волне общественного движения, главный исток которой опять таки Москва, Джунковский решил выступить против Распутина. При Маклакове он получил право доклада Государю по делам охраны Его Величества, т. к. жандармерия (а он Командир Корпуса жандармов) охраняет Государя при Его следованиях по железным дорогам. Будучи принят 4 августа, он и сделал доклад, но только не по охране, а про Распутина.

Изложив биографию и характеристику Распутина со всеми его дамскими похождениями до скандала «У Яра» включительно, что было изложено особенно подробно, генерал выяснил, насколько Распутин вредит престижу власти, Церкви, Государю и Его семье. Все враги монархии, режима стараются использовать имя Старца в борьбе с правительством, и поведение Распутина даёт им отличное и полезное оружие. Доклад продолжался долго. Окончив его генерал оставил Государю письменный доклад.

Вышедши с доклада Джунковский был очень взволнован.

Сев в автомобиль, где его ждал секретарь Л.А. Сенько-Поповский, составлявший письменный доклад, приказал ехать в Петербург. Взволнованный генерал передал, что Государь выслушал доклад очень внимательно. Он предлагал вопросы и после окончания доклада очень милостиво поблагодарил генерала,

сказав, что он впервые слышит всю эту правду, что он очень рад узнать правду и просил генерала и впредь докладывать ему всё про Распутина, но только, чтобы он держал это в полном секрете.

Рассказывая про доклад, Джунковский был счастлив, что ему удалось так успешно выполнить долг не только перед Их Величествами, но и перед родиной. Генерал был в таком приподнятом восторженном патриотическом настроении, что оно передавалось и захватило и Сенько-Поповского, тем более, что он много работал по составлению доклада.

В тот же день они оба выехали в Москву, где должны были быть на освящении чьей то церкви.

Устный доклад Джунковского действительно произвёл на Государя большое впечатление. Государь очень рассердился и приказал дабы Распутин немедленно выехал на родину. Это повеление было передано через Вырубову. Никогда, по словам Распутина, Государь не сердился на него так сильно и долго, как сердился после того доклада Джунковского. И 5 августа Распутин выехал в Покровское.

А. А. Вырубова с сестрой привезла его на вокзал в автомобиле. Группа поклонниц проводила его. Несколько филеров Охранного Отделения, которые наблюдали за ним, выехали вместе с ним.» [299]

Из воспоминаний генерала А. И. Спиридовича:

«Дворцовому коменданту Воейкову Государь сказал в те дни по поводу доклада Джунковского так: «Джунковский меня очень удивил, подняв вопрос, уже поконченный на докладе Маклакова два месяца тому назад». [300]

5 июня 1915 г. Из дневника Государя Императора Николая II:

— <...> Сегодня подписал указ об увольнении Маклакова и о назначении кн. Щербатова на его место. <...> [301]

9 июня 1915 г. Из дневника Государя Императора Николая II:

— Вторник. В 9 ¼ поехал в город на пристань и на катере к Балтийскому заводу. Обошёл почётный караул от гардемарин Мор. Корпуса и поднялся на кр. «Измаил» по 107 ступеням. Затем вернулся в палатку, где были собраны министры и послы. Через ¼ часа плавно и величественно спустился громадный «Измаил» и стал на два якоря посредине реки. Посетил лазарет завода, где было 77 раненых, шрапнельную и турбинную мастерские. Около эллинга подводных лодок сел в катер, обошёл вокруг «Измаила» и пересел на яхту «Нева». Григорович накормил отличным завтраком. В 3 ½ ч. вернулся в Ц.С. Поиграл в теннис и покатался на прудах. В 6 час. принял Сазонова. Обедали на балконе с Кедровым (деж.). Сделал [прогулку] в моторе с О., Т., и М. вокруг Боболова и Павловска. Вечером посидели с Григорием. Занимался после чая. День простоял прекрасный. [302]

10 июня 1915 г. Государь Император Николай II выехал в Ставку.

10 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Мой родной, бесценный,

С особенно тяжёлым сердцем отпускаю я тебя в этот раз — положение так серьёзно и так скверно, и я жажду быть с тобою, разделять твои заботы и огорчения. — Ты всё переносишь один с таким мужеством! Позволь мне помочь тебе, моё сокровище. — Наверное, есть дела, в которых женщина может быть полезной. — Мне так хочется облегчить тебя во всём, а министры все ссорятся между собою в такое время, когда все должны бы работать дружно, забыв личные счёты, и работать лишь на благо Царя и отечества. — Это приводит меня в бешенство. — Другими словами, это измена, потому что народ об этом знает, видит несогласие в правительстве, а левые партии этим пользуются. — Если б ты только мог быть строгим, мой родной, это так необходимо, они должны слышать твой голос и видеть неудовольствие в твоих глазах. — Они слишком привыкли к твоей мягкой, снисходительной доброте. — Иногда даже тихо сказанное слово далеко доходит, но в такое время, как теперь, необходимо, чтобы послышался твой голос, звучащий протестом и упрёком, раз они не исполняют твоих приказаний или медлят их исполнением. — Они должны научиться дрожать перед тобой. Помнишь, m-г Ph. [*месье Филипп*] и Гр[*игорий*] говорили то же самое. <...>

— То же относительно другого вопроса, который наш Друг так принимает к сердцу и который имеет первостепенную важность для сохранения внутреннего спокойствия — относительно призыва 2-го разряда: если приказ об этом дан, то скажи Н. [*Вел. князь Николай Николаевич*], что так как надо повременить, ты настаиваешь на его отмене. Но это доброе дело должно исходить от тебя. Не слушай никаких извинений (я уверена, что это было сделано ненамеренно, вследствие незнания страны). — Поэтому наш Друг боится твоего пребывания в ставке, так как там тебе навязывают свои объяснения, и ты невольно уступаешь, хотя бы твоё собственное чувство подсказывало тебе правду, для них не приемлемую. — Помни, что ты долго царствовал и имеешь гораздо больше опыта, чем они. На Н. лежит только забота об армии и победе — ты же несёшь внутреннюю ответственность и за будущее, и если он наделает ошибок, тебе придётся всё исправлять (после войны он будет никто). — Нет, слушайся нашего Друга, верь ему, его сердцу дороги интересы России и твои. Бог недаром его нам послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова — они не говорятя на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы! Министры не догадались тебя предупредить, что эта мера может быть губительной, а он сделал. [303]

11 июня 1915 г. Под давлением Вел. князя Николая Николаевича, которого поддерживали начальник походной Канцелярии кн. В.Н. Орлов и министр земледелия А.В. Кривошеин, Государь принимает решение об отставке Военного министра Владимира Александровича Сухомлинова. На его место назначен выдвиженец Николая Николаевича генерал Поливанов, друг Гучкова. Министром внутренних дел вместо Маклакова, так же по совету Вел. князя, назначен князь Н.Б. Щербатов,

полтавский землевладелец и губернский предводитель дворянства. Московским генерал-губернатором назначен князь Юсупов. Составленная коалиция в лице Вел. кн. Николая Николаевича, кн. Орлова и министра Кривошеина поставила перед Государем вопрос о замене на посту обер-прокурора Св. Синода Владимира Карловича Саблера А.Д. Самариним.

На этот удар болезненно отреагировала Государыня Императрица Александра Феодоровна. Крайняя неприязнь и враждебное отношение к ней проступила в беседе кн. Орлова с протопресвитером Георгием Шавельским, где кн. Орловым Русская Царица была небрежно названа «Madame». [304]

11 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Надеюсь, что моё письмо тебя не огорчило, но меня преследует желание нашего Друга, и я знаю, что неисполнение его может стать роковым для нас и всей страны. — Он знает, что говорит, когда говорит так серьезно. — Он был против твоей поездки в Л[ьвов] и П[еремышль], и теперь мы видим, что она была преждевременна. Он был сильно против войны, был против созыва Думы (некрасивый поступок Родз.) и против печатания речей (с этим я согласна).

Прошу тебя, мой ангел, заставь Н. смотреть твоими глазами — не разрешай призыва 2-го разряда. — Отложи это как можно дальше. Они должны работать на полях, фабриках и пароходах и т. д. Тогда уж скорее призови следующий год. Пожалуйста, слушайся Его [Григория] совета, когда говорится так серьезно, — Он из-за этого столько ночей не спал! Из-за одной ошибки мы все можем поплатиться. — Интересно, какое настроение ты нашёл в ставке и очень ли у вас жарко? [305]

Из воспоминаний генерала А. И. Спиридовича:

«За вечерним чаем в нашем вагоне-столовой уже все говорили о новом политическом курсе «на общественность», который принимается по настоянию Великого князя, а посредником примирения правительства с общественностью являлся вызванный в ставку умный и хитрый Кривошеин». [306]

12 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Все страстно желают чуда, успеха, чтобы снаряжения и оружия стало вдвое больше. — Каково настроение в ставке? — как бы я хотела, чтобы Н. был другим человеком и не противился Божьему человеку! Это всегда приносит несчастье их работе, а эти женщины [Вел. Княгини Милица и Анастасия Николаевны] не дают ему перемениться. Он получил бесчисленные награды и благодарности за всё, но слишком рано. — Больно подумать, что он столько получил, а мы почти всё опять потеряли. — Но я убеждена, что Всемогущий Бог поможет, и настанут лучшие дни. Какие испытания ты переносишь, моё солнышко! Жажду быть с тобою и знать, как ты себя нравственно чувствуешь — спокоен и мужествен, как всегда, скрывая боль, как всегда? — Да поможет тебе Бог, мой дорогой страдалец, и да даст тебе силу, веру и мужество! — Твоё царствование

было полно тяжёлых испытаний, но награда должна когда-нибудь прийти — Господь справедлив. — Птички так весело поют, и легкий ветерок доносится через окно. — Я встану, когда кончу это письмо. Спокойствие последних дней благоприятно отозвалось на состоянии моего сердца. [307]

12 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Мой Львовский склад находится на время в Ровно, около станции, — дай Бог, чтобы нас оттуда не вытеснили дальше. — Тяжело, что нам пришлось оставить тот город [*Львов*], — хотя он не был вполне нашим, всё же горько, что он попал им в руки. — Теперь Вильгельм, наверное, спит в постели старого Франца-Иосифа, — которую ты занимал одну ночь. Мне это неприятно, это унижительно, но можно перенести. Но при мысли, что те же поля сражения будут опять усеяны трупами наших храбрых солдат, сердце разрывается. — Я знаю, я не должна говорить с тобою об этих вещах — у тебя и без того достаточно скорби, — мои письма должны быть весёлыми, но это немного трудно, когда тяжело на душе и на сердце. — Надеюсь повидать нашего Друга на минутку у Ани, чтобы проститься с ним — это меня ободрит. ...

Слава Богу, Н. понял про 2-й разряд. — Извини меня, но я не одобряю твоего выбора военного министра [*Поливанова*] — ты помнишь, как ты сам был против него, и, наверное, правильно, и, кажется, Н. тоже. — Он работает с Ксенией. Но разве он такой человек, к которому можно иметь доверие? Можно на него положиться? Как бы я хотела быть с тобою и узнать причины, побудившие тебя его назначить! — Я боюсь назначений Н. — он далеко не умен, упрям, и им руководят другие. — Дай Бог, чтобы я ошибалась, и чтобы твой выбор оказался удачным, но я всё же каркаю, как ворона. — Мог ли этот человек так измениться? Разошёлся ли он с Гучковым. Не враг ли он нашего Друга, что всегда приносит несчастье? — Заставь милого старого Горемыкина хорошенько поговорить с ним, нравственно на него повлиять. — О, дай Бог, чтобы эти 2 министра оказались действительно подходящими к своим местам! Сердце полно беспокойства и так жаждет единения среди министров, успеха. — Дорогой мой, предложи им по возвращении из ставки представиться мне, — я буду горячо молиться и употреблю все усилия быть тебе действительно полезной. — Это ужасно — не помогать и допускать, чтобы ты один справлялся со всей работой.

Наш Друг опять обедал (кажется) с Шаховским [*Министр торговли и промышленности*], он ему нравится. — Он может направить его на верный путь. — Подумай, как странно: Щербатов написал очень любезное письмо Андроникову после того, как говорил тебе против него. — Есть ещё один министр, который, по моему, не на месте (в разговоре он приятен), это — Щегловитов [*Министр юстиции*]: он не слушает твоих приказаний, и каждый раз, когда думает, что прошение исходит от нашего Друга, не желает его исполнять, и недавно разорвал одно, обращенное к тебе. Это рассказал Верёвкин [*товарищ министра юстиции*], его помощник (друг Гр.).

Чудная погода, я лежу на балконе, птички так весело поют. А. только что была у меня, она видела Гр. сегодня утром. — Он в первый раз после пяти ночей спал хорошо, и говорит, что на фронте стало немного лучше. — Он тебя настоятельно просит поскорее приказать, чтобы в один определённый день по всей стране был устроен всеросс. крестный ход с молением о даровании победы. Бог скорее услышит, если все обратятся к нему. Пожалуйста, отдай приказание об этом. Выбери какой угодно день и пошли своё приказание по телеграфу (открыто, чтобы все могли прочесть) Саблеру. Скажи об этом же Шавельскому [*протопресвитер Армии и Флота*]. Теперь Петр. пост, так теперь это ещё более своевременно, это поднимет дух и послужит утешением для наших храбрых воинов. — Прошу тебя, дорогой, исполни мою просьбу. Пусть приказание исходит от тебя, а не от Синода...

Если у тебя есть какие-нибудь вопросы для нашего Друга, напиши мне немедленно

Осыпаю тебя нежными поцелуями. Навсегда твоя старая *Женушка*. [308]

13 июня 1915 г. в Ставку прибыл поезд со всеми министрами во главе с премьер-министром И.Л. Горемыкиным. После визита Горемыкина к Вел. князю Николаю Николаевичу и встречи с князем всех министров, произошло совещание, на котором было решено для примирения с «общественностью» заменить министра юстиции Щегловитова Александром Хвостовым, а обер-прокурора Синода В. К. Саблера — А. Д. Самаринным. Об этом министры решили просить Императора. Государь дал согласие.

14 июня 1915 г. В Ставке произошло заседание Совета Министров под председательством Государя Императора, на котором присутствовал Вел. князь Николай Николаевич. Принят новый курс во внутренней политике. Декрет об этом подписан Государем. Проект декрета составлен Кривошеиным.

В то время как Государь проявил добрую волю, желая примириться с оппозиционно настроенной общественностью, со стороны последней не замедлило последовать весьма знаменательное деяние. В Москве состоялось совещание представителей земств и городов, «которое, — как пишет Спиридович, — вынесло постановление добиваться устранения Государя от вмешательства в дела войны, и даже от верховного управления, об учреждении диктатуры или регентства в лице Вел. князя Николая Николаевича. Заговорили о заключении Императрицы Александры Феодоровны в монастырь, и это связывалось со ставкой и с князем Орловым». [309]

Из воспоминаний генерала А. И. Спиридовича:

«Сплетня о плане заточения Императрицы распространялась среди обслуживавших Государя лиц и шла от князя Орлова. В ту поездку князь Орлов позволил себе особенно резко бранить Государыню, не стесняясь того, что в соседних вагонах находился сам Государь, а нехорошие эпитеты князя слышали не

только собеседники князя, но и прислуга, и фельдъегерские офицеры, вертевшиеся тут же в его купе-канцелярии». [310]

Генерал Дубенский рассказал Спиридовичу о том, что «существует план заточения Императрицы в монастырь, что замысел этот идёт из ставки, и что к нему причастен князь Орлов». Спиридович, относя Дубенского к разряду болтунов, не поверил ему, но был крайне встревожен: «Что за вздор, Димитрий Николаевич. Заточить Царицу в монастырь при живом Государе. Да разве это возможно. А как же с Государем будет? Ведь это же заговор, революция!» [311]

«Слух о заточении сделался достоянием всей свиты. Знала о нём и прислуга. Дошло и до Их Величеств, знали дети. Лейб-хирург Фёдоров лично рассказывал мне, что, придя однажды во дворец к больному Наследнику, он увидел плачущую великую княжну Марию Николаевну. На его вопрос, что случилось, великая княжна ответила: «Дядя Николаша хочет запереть «мамá» в монастырь». Сергею Петровичу пришлось утешать девочку, говорить, что всё это неправда.

В тот же приезд в Барановичи было также обращено внимание на странную дружбу, возникшую у князя Орлова с великим князем Николаем Николаевичем. <...>

... в связи с пришедшими из Москвы сведениями об устранении Государя слух о заточении Императрицы приобрел большой смысл и получил серьезный характер.

Тогда же я получил письмо-доклад из Петербурга, в котором мне достоверно сообщали, что в кружке Вырубовой уже имеются сведения о заговоре, о том, что для этого хотят использовать великого князя Николая Николаевича, что Государыня хорошо осведомлена об интригах и что уехавший 15-го числа на родину Распутин советовал остерегаться заговора и «Миколу с Черногорками». Из Царского мне писали, что настроение Императрицы беспокойное. Она недовольна всем, что произошло в ставке, настроена против Орлова, Дрентельна, и Джунковского. <...>

Воейков был настороже, и это дало мне право сообщить в письме в Москву следующее: «Мы знаем всё, что надумали в Москве на съезде, и если правительство, вернее, Его Величество, идёт навстречу общественности, то очень ошибаются демагоги вроде Гучкова, полагая, что им удастся государственный переворот». [312]

14 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— К чаю придёт Павел, а потом дети пойдут к Ане, может быть, и я к ней забегу на минутку, если не слишком устану. Сегодня вечером или завтра утром увижу нашего Друга. Днём мы поедем кататься — Аня со мной, а девочки за нами в двух маленьких экипажах. Должна кончать письмо мой любимый. [313]

14 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Мария Васильчикова живёт с семьей в зелёном угловом домике и наблюдает из окна, как кошка, за всеми, кто входит и выходит из нашего дома, и делает свои замечания. Она извела Изу своими расспросами, почему дети один день вышли из одних ворот пешком, а другой раз на велосипедах, почему один офицер с портфелем утром входил в одном мундире, а вечером одет по-другому. Она сказала графине Фред., что видела, как Гр. сюда въезжал (отвратительно). — Чтобы наказать её, мы сегодня пошли к А. окольным путём, так что она не видала, как мы выходили. Он был с нами у неё от 10 до 11 ½. Посылаю тебе Его палку (рыба, держащая птицу), которую Ему прислали с Нов. Афона, чтобы передать тебе. Он употреблял её, а теперь посылает тебе, как благословение, — если можешь, то употребляй её иногда; мне так приятно, что она будет в твоём купе рядом с палкой, которой касался m-г Philip. Он много и прекрасно говорил. — что такое русский император: хотя и другие государи помазаны и коронованы, только русский император уже 300 лет является настоящим помазанником Божиим. Он говорил, что ты спасёшь своё царствование тем, что не призовёшь сейчас 2-го разряда, и говорил, что Шаховской был в восторге, что ты сам это приказал, потому что все министры того же мнения, но сами не подняли бы этого вопроса.

Он находит, что ты должен приказать заводам выделять снаряды, просто дай распоряжение, чтобы тебе представили список заводов, и тогда укажи — какие, — лучше сделай это сам, а не через комиссии, которые неделями болтают и ни на что не могут решиться. Будь более самодержавным, мой дорогой друг, покажи свою волю!

15 июня. Я так жажду известий! Сколько времени ты будешь отсутствовать? Аня в первый раз поехала в город в автомобиле к своим родителям, так как её мать больна, а потом к нашему Другу.

Теперь прощай, моё сокровище, горячо тебя целую и молю Бога сохранить и наставить тебя. Твоя старая Желюшка.

Хватит ли у тебя терпенья прочесть это длинное письмо? [314]

15 июня 1915 г. Григорий Ефимович Распутин-Новый выехал из Петрограда в Покровское.

15 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— В городе ходят сплетни, будто все министры сменяются — Кривошеин премьером, Манухин на место Щегловитова, Гучков — помощником Поливанова и т. д. Наш Друг, к которому Аня ходила проститься, с нетерпением ожидает узнать правду об этом (будто Самарин назначается на место Саблера, которого лучше не сменять, пока не найдётся ему хороший заместитель: Самарин, без сомнения, пойдёт против нашего Друга и будет на стороне тех епископов, которых мы не любим, — он такой яркий и узкий москвич). Аня ему ответила, что я ничего не знаю. — Он просит тебе передать, чтобы ты обращал меньше внимания на слова окружающих тебя, не поддавался бы их влиянию, а руководствовался бы

собственным инстинктом. Будь более уверенным в себе и не слушайся других, и не уступай тем, которые знают меньше твоего. Время такое серьезное и трудное, что нужна вся твоя мудрость и душевная сила. — Он очень жалеет, что ты не поговорил с ним обо всём, что ты думаешь, о чём совещался с министрами и какие намерен произвести перемены. — Он так горячо молится за тебя и за Россию, и может больше помочь, если ты с Ним будешь говорить открыто. Я ужасно страдаю от разлуки с тобою. — 20 лет мы прожили вместе, и теперь происходят такие важные события, а я не знаю ни твоих мыслей, ни решений — это так больно! — Да хранит и наставит тебя Господь, мой дорогой друг!

16 июня. Только что получила твоё драгоценное письмо, за которое сердечно благодарю. Я рада, что ты остался доволен работой и заседанием. Да, любимый, относительно Самарина я более чем огорчена, я прямо в отчаянии — он из недоброй, ханжеской клики Эллы, лучший друг Соф. Ив. Тютчевой и епископа Т. [*епископ Трифон Туркестанов*].

Я имею основательные причины его не любить, так как он всегда говорил и теперь продолжает говорить в войсках против нашего Друга. — Теперь опять начнутся сплетни насчёт нашего Друга, и всё пойдёт плохо. — Я горячо надеюсь, что он не примет предложения — ведь это означает влияние Эллы и приставания с утра до вечера. Он будет работать против нас, раз он против Гр.. [315]

16 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Я всегда вспоминаю, что говорит наш Друг; как часто мы не обращаем достаточного внимания на Его слова! — Он так был против твоей поездки в ставку, потому что там тебя заставляют делать вещи, которые было бы лучше не делать. Здесь дома атмосфера гораздо здоровее, и ты более верно смотрел бы на вещи, — возвращайся скорее. — Я это говорю не из эгоистического чувства, а потому, что здесь я спокойнее за тебя, а когда ты там, я постоянно боюсь, не замышляют ли чего. Как видишь, я совершенно не доверяю Н... [*великому князю Николаю Николаевичу*] Я знаю, что он далеко не умён и, раз он враг Божьего человека, то его дела не могут быть успешны и мнения правильны. — Григ. вчера вечером в городе перед отъездом слышал о назначении Самарина (это уже было известно) и был в полном отчаянии, так как неделю тому назад Он просил тебя не торопиться с увольнением Саблера, так как скоро найдётся подходящий человек. А теперь московская клика опутает нас, как паутиной. Враги нашего Друга — наши враги, и я убеждена, что Щерб[*батов*] к ним примкнёт. Прости меня, что пишу тебе всё это, но я так несчастна с тех пор, как узнала об этом, и не могу успокоиться. — Теперь я понимаю, почему Григ, был против твоей поездки туда. — Здесь я могла бы помочь тебе. — Боятся моего влияния, Григ, сказал это (не мне), и влияния Воейкова, потому что знают, что у меня сильная воля, я лучше других вижу их насквозь и помогаю тебе быть твёрдым. — Если бы ты был здесь, я бы употребила все силы, чтобы разубедить тебя, потому что думаю, что Бог бы мне помог, и ты бы вспомнил слова нашего Друга. — Когда Он советует не делать чего-либо, и Его не слушают, позднее всегда убеждаешься в своей неправоте. Но если он примет

назначение, Н. будет стараться восстановить его против нашего Друга, — это его тактика.

Умоляю тебя, при первом разговоре с С[амариным], поговори с ним энергично, — сделай, любимый мой, это ради России. На России не будет благословения, если её Государь позволит подвергать преследованиям Божьего человека, я в этом уверена. — Скажи ему строго, твёрдым и решительным голосом, что ты запрещаешь всякие интриги или сплетни против нашего Друга, иначе ты его не будешь держать. — Преданный слуга не смеет идти против человека, которого его Государь уважает и ценит. — Ты знаешь, какую гадкую роль Москва играет во всём этом. Скажи ему про всё, и что его лучший друг — Соф. Ив. Тютчева — распространяет клеветы про наших детей. — Подчеркни это и скажи, что её ядовитая ложь принесла много вреда, и ты не позволишь повторения этого.

Не смейся надо мною. — Если бы ты видел мои слезы, ты бы понял важность всего этого. — Это не женские глупости, но прямая, голая правда. — Я люблю тебя слишком глубоко, чтобы утомлять тебя такими письмами в такое время, но душа и сердце меня к тому побуждают. У нас, женщин, есть иногда инстинкт правды, а ты знаешь, мой друг, мою любовь к твоей стране, которая стала моей. Ты знаешь, что для меня эта война во всех отношениях — и Господь нам никогда не простит нашей слабости, если мы дадим преследовать Божьего человека и не защитим его. — Ты знаешь, что ненависть Н. к Григ. очень сильна. — Поговори с Воейковым, мой друг, он понимает такие вещи, потому что он честно предан тебе. — У С[амарина] большое самомнение, я летом имела случай в этом убедиться, когда говорила с ним относительно эвакуации, — Ростовцев и я остались под впечатлением его самодовольства, его слепого обожания Москвы и презрения к Петербургу. — Тон его разговора сильно возмутил Ростовцева. — Я увидела его в другом свете и поняла, как неприятно было бы иметь с ним дело. — Когда его сначала предложили для Алексея, я, не колеблясь, отказала; ни за что не надо такого ограниченного человека. — Наша церковь нуждается как раз в обратном — в душе, а не в уме. — Да поможет тебе Всемогущий Бог и да услышит Он наши молитвы и да подаст тебе, наконец, веру в твою собственную мудрость! Не слушай других, а только твою душу и нашего Друга. — Ещё раз — прости меня за это письмо, написанное с болью в сердце и с заплаканными глазами. — Ничто не пустячно сейчас — всё очень важно. — Я уважаю и люблю старого Горемыкина, — я знала бы, как с ним говорить, если бы только могла его видеть. — Он так близок с нашим Другом, а не понимает, что С/амарин/. твой враг, раз он интригует против Гр/игория/.

Я уверена, что твоё бедное сердце болит, расширено и нуждается в каплях. — Прошу тебя, дружок, ходи меньше пешком. — Я повредила своему тем, что много ходила на охотах и в Финляндии, и прежде чем посоветоваться с доктором, страдала от ужасных болей, удушья и сердцебиения. — Береги себя, малютка мой, ненавижу быть вдали от тебя, это самое для меня большое наказание, особенно в такое время. — Наш первый Друг дал мне икону с колокольчиком, который предостерегает меня о злых людях и препятствует им приближаться ко мне. Я это чувствую и таким образом могу и тебя оберегать от них. — Даже твоя семья

чувствует это, и поэтому они стараются подойти к тебе, когда ты один, когда знают, что что-нибудь не так и я не одобрю. — Это не по моей воле, а Бог желает, чтобы твоя бедная жена была твоей помощницей. Гр. всегда это говорил, — m-r Ph. тоже. — Я могла бы тебя вовремя предупредить, если бы была в курсе дела. А теперь я только могу молиться и страдать и молить Бога, чтобы Он тебя сохранил и наставил. <...>

— Думай больше о Григ., мой дорогой, перед каждым трудным решением проси его ходатайствовать за тебя перед Богом, чтобы Он тебя наставил на правый путь. <...>

Всё это относительно вопроса о сепаратном мире. Говорил ли ты с Воейковым относительно Данилова? Прошу тебя, сделай это. — Только не говори об этом с толстым Орловым, который большой приятель Н. — Они постоянно в переписке, когда ты бываешь здесь. — Воейков об этом знает. Это всё не к добру. — Он не одобряет посещения Григ. нашего дома и поэтому хочет удержать тебя в ставке, вдали от него. Если бы они только знали, как они тебе вредят, вместо того, чтобы помочь — слепые люди, со своею ненавистью к Григ.! Помнишь, в книге «Les amis de Dieu» [«Друзья Бога»] сказано, что та страна, государь которой направляется Божьим человеком, не может погибнуть. О, отдай себя больше под Его руководство! [316]

17 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Теперь в августе собирается Дума, а наш Друг тебя несколько раз просил сделать это как можно позднее. Все они должны бы работать на своих местах, а теперь они будут вмешиваться и обсуждать дела, которые их не касаются. Не забудь, что ты есть и должен оставаться самодержавным императором! — Мы ещё не подготовлены для конституционного правительства. Н. и Витте виноваты в том, что Дума существует, а тебе она принесла больше забот, чем радостей. — Ох, не нравится мне присутствие Н. на этих больших заседаниях по внутренним вопросам! — Он мало понимает нашу страну и импонирует министрам своим громким голосом и жестикуляцией. Меня его фальшивое положение временами бесит. Почему министры не просили изменить это? — Это было их первым долгом.

<...> Ты так долго опять отсутствуешь, а Гр. просил этого не делать! Все делается наперекор Его желаниям, и моё сердце обливается кровью от страха и тревоги. <...>

Гр. прислал А. из Вятки след. телеграмму: «Еду спокойно, сплю, поможет Бог, целую всех». [317]

20 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Аня получила из Тюмени от нашего Друга следующую телеграмму: «Встретили певцы, пели Пасху, настоятель торжествовал, помните, что Пасха, вдруг телеграмму получаю, что сына забирают, я сказал в сердце, неужели я Авраам, реки прошли, один сын и кормилец, надеюсь пушай он владычествует при

мне, как при древних царях». Любимый мой, что можно для него сделать? Кого это касается? Нельзя брать его единственного сына. — Не может ли Воейков написать воинскому начальнику, — это, кажется, касается его, прикажи ему, прошу тебя.

Поезд с твоим фельдъегерем опоздал на 8 часов, так что получу твоё письмо только в 7 часов. — Варнава только что телеграфировал мне из Кургана след.: «Родная Государыня. 14 числа, в день святителя Тихона чудотворца, во время обхода кругом церкви в селе Барабинском, вдруг на небе появился крест, был виден всеми минут 15, а так как святая церковь поёт «Крест царей держава, верных утверждение», то и радую вас сим видением, верую, что Господь послал это видение знамение, дабы видимо утвердить верных своих любовью, молюсь за всех вас». Дай Бог, чтобы это было хорошим предзнаменованием, кресты не всегда бывают таковым. [318]

22 июня 1915 г. Государь Император Николай II покинул Царское Село и выехал в Ставку через Беловеж.

22 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Мой родной, любимый,

Как ты доехал до Беловежа, и такая ли там чудесная погода, как здесь? Значит, ты отложил возвращение домой? Что же, ничего не поделаешь; только бы ты мог воспользоваться этим и повидать войска. Не можешь ли ты опять уехать, как будто в Беловеж, а на самом деле куда-нибудь в другом направлении, не сказав о том никому? Н. нечего об этом знать, а также моему врагу Джунк. Ах, дружок, он нечестный человек, он показал Дмитрию эту гадкую, грязную бумагу (против нашего Друга), Дмитрию, который рассказал про это Павлу и Але. — Это такой грех, и будто бы ты сказал, что тебе надоели эти грязные истории, и желаешь, чтобы Он был строго наказан.

Видишь, как он перевирает твои слова и приказания — клеветники должны быть наказаны, а не Он. В ставке хотят отделаться от Него (этому я верю), — ах, это всё так омерзительно! — Всюду враги, ложь. Я давно знала, что Дж[унковский] ненавидит Гр. и что Преображ. клика [*офицеры Преображенского полка*] потому меня ненавидит, что чрез меня и Аню Он проникает к нам в дом.

Зимою Дж. показал эту бумагу Воейк. [*Воейков В.Н. — генерал-майор Свиты Е.И.В., дворцовый комендант*], прося передать её тебе, но тот отказался поступить так подло, за это он ненавидит Воейк., и спелся с Дрент[ельном]. — Мне тяжело писать всё это, но это горькая истина. — А теперь Самарии к ним присоединился — ничего доброго из этого выйти не может.

Если мы дадим преследовать нашего Друга, то мы и наша страна пострадаем за это. — Год тому назад уже было покушение на Него, и Его уже достаточно оклеветали. — Как будто не могли призвать полицию немедленно и схватить Его на месте преступления — такой ужас! Поговори, прошу тебя, с Воейковым об этом, — я желаю, чтобы он знал о поведении Джунк. и о том, как он извращает смысл твоих слов. Воейков, который не глуп, может разузнать многое про это, не называя

имен. — Не смеют об этом говорить! — Не знаю, как Щерб[атов] будет действовать — очевидно, тоже против нашего Друга, следовательно, и против нас. Дума не смеет касаться этого вопроса, когда она соберётся; Ломан говорит, что они намерены это сделать, чтобы отделаться от Гр. и А. — Я так разбита, такие боли в сердце от всего этого! — Я больна от мысли, что опять закидают грязью человека, которого мы все уважаем, — это более чем ужасно. Ах, мой дружок, когда же наконец ты ударишь кулаком по столу и прикрикнешь на Дж. и других, которые поступают неправильно? Никто тебя не боится, а они должны — они должны дрожать перед тобой, иначе все будут на нас наседать, — и теперь этому надо положить конец. Довольно, мой дорогой, не заставляй меня попусту тратить слова. Если Дж. с тобою, призови его к себе, скажи ему, что ты знаешь (не называя имен), что он показывал по городу эту бумагу и что ты ему приказываешь разорвать её и не смей говорить о Гр. так, как он это делает; он поступает, как изменник, а не как верноподданный, который должен защищать друга своего Государя, как это делается во всякой другой стране. О, мой мальчик, заставь всех дрожать перед тобой — любить тебя недостаточно, надо бояться тебя рассердить или не угодить тебе! Ты всегда слишком добр, и все этим пользуются. Это не может так продолжаться, дружок, поверь мне хоть раз, я говорю правду. Все, кто к тебе искренно привязан, жаждут того, чтобы ты стал более решительным и сильнее бы показывал свое недовольство; будь более строг — так продолжаться больше не может. Если бы твои министры тебя боялись, всё шло бы лучше. — Старик Горем [ыкин], тоже находит, что ты должен быть более уверенным в себе, говорить более энергично и строго, когда ты недоволен. [319]

Переживания Государыни касаются действий Джунковского против Г.Е. Распутина-Нового в связи с событиями, произошедшими 26 марта 1915 г. в ресторане «Яр».

Насколько точны рассуждения Государыни и мудры советы, данные ею своему мужу (подкрепленные, конечно, благословением и одобрением «нашего Друга») можно судить по следующему письму, в котором Государыня настаивает на том, чтобы Царь Николай II объехал войска. Солдаты жаждали видеть своего Государя, за которого они умирали на полях сражений. Причём по настоянию Царицы Александры Феодоровны эта поездка должна была совершиться без участия Вел. князя Николая Николаевича, вопреки установившейся традиции, когда Государя при его поездках в распоряжение армейских частей непременно сопровождал Великий князь.

24 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Теперь другие могут подумать, что общественное мнение достаточная причина, чтобы удалить нашего Друга и так далее — это очень опасно перед Думой. <...>

С самого начала Горем. должен поговорить о Самар. и Щерб., как им вести себя по отношению к нашему Другу, во избежание всякой клеветы и интриг. <...>

Правда ли, что Варшаву совершенно эвакуируют (из предосторожности)? Надеюсь причаститься, — это зависит от состояния моего здоровья, — наверное в воскресенье за ранней обедней, внизу, с А. Когда ты возвращаешься? Сегодня 2 недели, как ты уехал, а кажется, что целый месяц (а наш Друг просил тебя отлучаться не на долгое время, — Он знает, что дела не пойдут как следует, если тебя там удержат и будут пользоваться твоей добротой). Поедешь ли ты, не предупреждая, в Белосток или Холм повидать войска? Покажись там до возвращения сюда — доставь им и себе эту радость! — Действ. Армия, слава Богу, не ставка — ты, наверное, сможешь повидать войска. Воейков это устроит (не Джунк.). Никто не должен знать, только тогда это удастся. Скажи, что ты просто хочешь немного проехаться. — Если бы я была там, я бы помогла тебе уехать. — Моего любимца всегда надо подталкивать и напоминать ему, что он император и может делать всё, что ему вздумается. Ты никогда этим не пользуешься. Ты должен показать, что у тебя есть собственная воля и что ты вовсе не в руках Н. и его штаба, которые управляют твоими действиями и разрешения которых ты должен спрашивать, прежде чем ехать куда-нибудь. — Нет, поезжай один, без Н., совсем один, принеси им отраду своим появлением. Не говори, что ты приносишь несчастье. С Л[ьвовым] и П[еремышлем] это так случилось потому, что наш Друг знал и предупреждал тебя, что это было преждевременно, ты вместо того послушался ставки. <...>

— Но если ты скажешь об этом Н., шпионы в ставке (кто?) сразу дадут знать германцам, которые приведут в действие свои аэропланы. 3 простых автомобиля не будут особенно заметны, но телеграфируй мне, чтобы я могла знать о твоём решении и известить нашего Друга, чтобы Он тогда помолился за тебя. [320]

25 июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Ах, мой Ники, дела идут не так, как следовало бы! Поэтому Н. [Вел. кн. Николай Николаевич] и удерживает тебя там, чтобы влиять на тебя своими мыслями и дурными советами. — Неужели ты мне ещё не хочешь поверить, мой мальчик?

Разве ты не можешь понять, что человек, который стал просто предателем Божьего человека, не может быть благословен и дела его не могут быть хорошими? — Впрочем, что ж, если надо, чтобы он оставался во главе войск, ничего не поделаешь. Все неудачи падут на его голову, но во внутренних ошибках — будут обвинять тебя, потому что никто внутри страны и не думает, что он царствует вместе с тобой.

Это все так невыразимо фальшиво и скверно!

<...> Помни, что наш Друг просил тебя не оставаться там слишком долго. — Он знает и видит Н. насквозь, а также твоё слишком доброе и мягкое сердце. — Я редко страдала так ужасно, как теперь, не будучи в состоянии тебе помочь, но чувствуя и сознавая, что дела идут не так, как следует. Я беспомощна и бесполезна, — это невыносимо тяжело. А Н. знает мою волю и боится моего влияния (направляемого Григ.) на тебя — это все так, мой дружок! [321]

25 июня 1915 г. Из письма Вел. княжны Ольги Николаевны Николаю II:

— Папа мой золотой!

Не успела написать Тебе с сегодняшним фельдъегерем, так как времени не было. Были мы в лазарете Большого дворца сегодня днём с Алексеем и было удивительно скучно и слабо, так как мы и сёстры стояли у одного дерева, а раненные у другого, и долго не могли разойтись. А после сыграли в теннис в первый раз после Твоего отъезда. Четыре сета по-разному, и я все проиграла. Погода была чудная, и солнце сильно припекало, так что понемногу начинаем загорать, а вечера совсем свежие, так что в платье холодно сидеть. Здесь, на балконе, стало очень уютно, так как Мама приобрела новую соломенную мебель, сделанную инвалидами, и горят две лампы. Сейчас принесли чайный стол, и Галкин [*Царевич Алексей — прим. Ю.Р.*] усердно пихает Аню в кресле под столом. Папа душка, я много о Тебе думаю эти тревожные дни. Бог даст, всё скоро пройдёт и «будет легче», как Григорий всегда говорит. Ах, да! Были мы четыре, Иза, Кира и Вильчковский в Колпине вчера днём. Там гораздо теплее, чем здесь, и очень красиво около реки. Мы были в шести лазаретах и церкви, где находится образ Св. Николая Чудотворца (чудотворный). Там было довольно много рабочих и между инженер-механиками Соловов — помнишь его на яхте, а потом на «Абреке». Извиняюсь за только что сделанную кляксу. У нас в лазарете находится Коленкин — у него нарыв в левом ухе, но уже лучше. Прибыл он в Александрийск только неделю, но его уже очень полюбили, и он рвётся обратно.

Ну, теперь кончаю. Храни Тебя, Папа, ангел мой.

Целую и люблю Тебя крепко, крепко.

Твой верный Елисаветградец.

Кланяюсь Николаю Павловичу [*Саблин Николай Павлович — Капитан 1-го ранга, командир Отдельного батальона Гвардейского экипажа, флигель-адъютант Государя Императора Николая II*]. [322]

25 Июня 1915 г. Из письма Государыни Императрицы Александры Феодоровны — Государю:

— Павел [*Великий князь Павел Александрович*] очень предан и, оставляя в стороне свою личную антипатию к Н., также находит, что в обществе не понимают положения последнего, — нечто вроде второго императора, который во все вмешивается. — Как много людей говорят это (наш Друг тоже). [323]

Из воспоминаний генерала А.И. Спиридовича:

«Войска Юго-Западного фронта, упорно отбиваясь, продолжали отступать. Отступление стало захватывать и фронт генерала Алексева. Положение становилось все тревожнее и тревожнее». [324]

27-28 июня 1915 г. Государь Император Николай II покинул Ставку и возвратился в Царское Село.

29 июня 1915 г. Праздник Славных и всехвальных первоверховных апостолов Петра и Павла. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Анне Вырубовой:

— Покр. — Ц. С. А.

Праздником, власть верховна на небе апостолами, их недостойны не могут использовать. [325]

2 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Анне Вырубовой:

— Покр. — Ц. С. А.

Нет веры без веры и море до колена. Вселяй пока, а не слушают беги. [326]

8 июля 1915 г. По всей России были отслужены торжественные молебны с крестными ходами о даровании победы.

В этот же день состоялось заседание Совета Министров, на котором было на законодательном уровне закреплено решение Государя о замене Саблера Самариным, а Щербатова Александром Хвостовым.

Из воспоминаний протопресвитера Георгия Шавельского:

«Увольнение В.К. Саблера произошло в июле <...> под влиянием великого князя Николая Николаевича, начальника походной канцелярии Государя кн. В.Н. Орлова и Министра земледелия А.В. Кривошеина. <...>

Ожесточённая атака этой коалиции против В.К. Саблера началась с 11 июня 1915 г. На место Саблера коалицией выдвигался Самарин». [327]

10 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Анне Вырубовой:

— Покр. — Ц. С. А.

Умоляю не скорби, не время уходить матери [речь идёт о болезни Надежды Илларионовны — матери Анны Александровны Танеевой (Вырубовой)]. Почему не ответила на две телеграммы Ворожель [?] Митю ещё оставили [сына Григория Ефимовича Дмитрия пока не призвали на военную службу]. Только благочестивые руки победят нечестивого. [328]

13 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Государю Императору Николаю II:

— Покр. — Ц. С. Е. В. [Его Величеству]

Благословляет Господь и даёт манну за честь и святыню, а нет её то и техника ничто. Помолимся, укажет Бог, кто нас поведёт к истине, Ваша могущественная рука может всё и твердыня совершится победой. [329]

13 июля 1915 г. Из дневника Государя Императора Николая II:

— В 6 час. принял Самарина, вступившего в исп. обяз. Обер-Прокурора.

[330]

13 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Анне Вырубовой:

— Покр. — Ц. С. А.

Бери крепче знай него же да сделано горе кто поехал, а не горе что сделал, потому не мог Пётр стоять, да проиграно всё, пусть посмотрит как его обыграли, да увидит обыгран, да на меня не сердится, я всё делал. [331]

14 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Анне Вырубовой:

— Покр. — Ц. С. А.

Болезни пройдут — Мама от неправды хворает, разных событий. Её чистая душа не вынесла как тучи. [332]

15 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Анне Вырубовой:

— Покр. — Ц. С. А.

Ворожить нельзя о разводе и о каком, отворите карты, хотя бы и выворожил, нам не к чему нарушенье, все с такими мыслями все проворожить, ничего не будет, я бы давно у друзей, животом мучусь немного, позови Мачалова, увидишь, как преданный, в том страх вот и показал. [333]

15 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Анне Вырубовой:

— Тобольск — Ц. С. — А.

Где правда, там и Бог. [334]

18 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Анне Александровне Вырубовой:

— Покров. — Ц.С. — А.

Тяжело известия повсюду, скорблю, а высказать не видя, понося нас, солнце бегаёт в темноте. [335]

19 июля 1915 г. В этот день состоялось открытие сессии Гос. Думы.

19 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Анне Александровне Вырубовой:

— Покр. — Ц. С. — А.

Тяжело известия повсюду, скорблю а высказать не видя понося нас, неемля солнца бегаёт в темноте». [336]

19 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Анне Александровне Вырубовой:

— Покр. — Ц. С. — А.

От зависти поносят всех, где же все аристократы только для них все мух боитесь. [337]

20 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича — Вел. княжне Ольге Николаевне:

— О. Надеюсь меня бранить не будешь за мою память занятым другим. Любовь моя горит тебе известно. Твоё имя знак именин искореняли нечестивых любовь твоя такая же и разума довольно. Вся Святыня от мудрования искони так. Знаешь, что молюсь за ты и радуюсь с Тобой. [338]

22 июля 1915 г. Русская армия оставила Варшаву.

А. А. Танеева (Вырубова) «Страницы моей жизни»:

«Летом 1915 г. Государь становился всё более и более недовольным действиями на фронте Великого князя Николая Николаевича. Государь жаловался, что русскую армию гонят вперёд, не закрепляя позиций и не имея достаточно боевых патронов. Как бы подтверждая слова Государя, началось поражение за поражением; одна крепость падала за другой, отдали Ковно, Новогеоргиевск, наконец Варшаву. Я помню вечер, когда Императрица и я сидели на балконе в Царском Селе. Пришёл Государь с известием о падении Варшавы; на нём, как говорится, лица не было; он почти потерял своё всегдашнее самообладание. «Так не может продолжаться, — вскрикнул он, ударив кулаком по столу, — я не могу всё сидеть здесь и наблюдать за тем, как разгромяют армию; я вижу ошибки — и должен молчать! Сегодня говорил мне Кривошеин, — продолжал Государь, — указывая на невозможность подобного положения».

Государь рассказывал, что Великий князь Николай Николаевич постоянно, без ведома Государя вызывал министров в Ставку, давая им те или иные приказания, что создавало двоевластие в России». [339]

23 июля 1915 г. Оставлен Иван-город. Генерал Алексеев пребывал в паническом настроении. Ставка бездействовала.

25 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Государю Императору Николаю II:

— Покр. — Ц.С. — Е.В [Его Величеству].

Успокоимся милый, на то и Бог учит делает неведомо нам лучше миро Его на главе твоей. [340]

27 июля 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Ялуторовска в Царское Село — Анне Александровне Вырубовой:

— Ялуторовск — Ц. С. — А.

Как радостно что Папу приветствовали единым духом. У пчеловодника [очевидно, речь идёт о Вел. князе Николае Николаевиче] нет разума, ульи не приносят пользы: здесь начальство сделало — Грише где надо десять оставили

одного, приехал удивляюсь его силе. Осенью мы с тобой беседовали, трудна задача. [341]

30 июля 1915 г. День рождения Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. Телеграмма Григория Ефимовича из Буя в Царское Село — Царевичу Алексею:

— Буй — Ц. С. — Ал. Н.

День Рождения твой благолепия ожидания вся и все как заря солнца, Господь благословил мудрость красоту, благословение Божие и рука славы на вас не будем упадать духом от временного испытания и не ужаснётся страха, Господь благословил дом ваш и возложил на Главу вашу перст Свой. [342]

31 июля 1915 г. Дневник Государя Императора Николая II:

— Пятница. Утром после бумаг прогулялся с Воейковым. День был ясный, но солнце оранжевое от дыма. После завтрака принял Куломзина. Сделал прогулку с Ольгой и покатался на прудах. Боцм. Федотов поймал на острогу большую щуку. Стана пила у нас чай. Принял Ермолова. После обеда приехал ген.-адъют. Рузский прямо из Ставки. Заехали к Ане, где видели Григория и его сына. [343]

4 августа 1915 г. Пала крепость Ковно. Комендант бежал.

4 августа 1915 г. Дневник Государя Императора Николая II:

— Вторник. Такой же серый день, немного потеплее. Утром погулял с Воейковым. Принял доклады Поливанова и Самарина. Днём погулял с Ольгой и Анастасией, а затем с Алексеем на прудах. После чая принял Сазонова. Вечером приехал Григорий, побеседовал с нами и благословил меня иконой. [344]

5 августа 1915 г. Григорий Ефимович покинул Петроград и выехал в Покровское. Его провожали Анна Александровна с сестрой Алей и другими женщинами — почитательницами старца Григория.

5 августа 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича — Государю Императору Николаю II:

— Мир и благословение, с нами Бог — будь твёрд. [345]

6 августа 1915 г. пал Новогеоргиевск.

Из заявления генерала Поливанова в Совете Министров:

«Военные условия ухудшились и осложнились. В сложившейся обстановке на фронте и в армейских тылах можно каждую минуту ожидать непоправимой катастрофы. Армия уже не отступает, а попросту бежит. Ставка окончательно потеряла голову». [346]

Ввиду чрезвычайной важности той трактовки событий, которую предлагает генерал А. И. Спиридович, и которая основана на ясном видении и глубоком понимании внутренней стороны дела, считаем необходимым привести полностью цитаты из

воспоминаний Спиридовича, которые раскрывают некоторые направления внутривластных течений, на фоне которых были предприняты усилия по формированию в обществе определённо негативного имиджа друга Царской Семьи. Пространность цитат оправдана тем, что описание положения, анализ ситуации и выводы, сделанные генералом Спиридовичем, имеют силу исторического документа, исторического свидетельства и помогают раскрыть истинную подоплёку событий вокруг старца Григория в этот период времени (весна-лето 1915 г.).

Генерал А. И. Спиридович о заговоре против Государыни и Государя и роли Вел. князя Николая Николаевича:

«Из Думы муссировались слухи, что Царица хочет сепаратного мира. Говорили о желательности регенства Вел. Кн. Михаила Александровича.

Слухами этими очень растревляли и без того подозрительную и мало кому доверявшую Царицу. Царице передавали, что главная интрига против Их Величеств ведётся в Киеве, где над ней работают Великие княгини сестры-черногорки. Они мечтают видеть на престоле Вел. кн. Николая Николаевича. Одна из весьма пожилых почтенных, придворных дам, игравшая когда-то роль при дворе, была принята Вел. кн. Милицей Николаевной. Последняя так резко выражалась о Царице, что почтенная дама заметила, что она не может продолжать разговора, если Великая княгиня не прекратит своих резкостей. Конечно, всё это женскими путями доходило до Царицы.

Великие княгини сестры-черногорки, когда-то подруги Царицы и поклонницы Распутина, теперь ненавидели Царицу, и она отвечала им тем же. Сёстры добивались возвышения Николая Николаевича. Царица со всем жаром любви к мужу и сыну защищала их и их права. И она толкала Государя на защиту их. Она раскрывала интриги и настаивала на принятии против них мер.

Нервно больная, религиозная до болезненности, она в этой борьбе видела борьбу добра со злом и в этой борьбе она опиралась на Бога, на молитву, на того, в чьи молитвы она верила — на Старца.

Старец же, которому Вел. кн. Анастасия и Милица Николаевны когда-то кланялись до земли и целовали руку, которого они когда-то рекламировали, а ещё не так давно защищали от полиции — мстил им. Мстил им с той же горячностью, с какой они теперь вредили ему за то, что он не оправдал их надежд и променял их на Вырубову, которую они же познакомили с ним. Да и его то, Старца никто иной, как они, продвинули к Их Величествам.

Государь знал обо всех этих замыслах, но, видимо, не верил им. Безусловно, не верил он в то, что Николай Николаевич принимает в этом личное участие, хотя Маклаков, будучи министром, докладывал ему о секретных сношениях Великого князя с Гучковым; перед самым своим уходом доложил о перехваченном письме Гучкова к Великому князю, письме, которое очень компрометировало их обоих и о котором в то время много говорилось в свите.

Знал Государь и обо всех забеганиях в Ставку некоторых министров, о вмешательстве Ставки в дела внутреннего правления, знал, как всё больше и

больше зазнавался в сношениях с министрами Янушкевич и понимал, что всё это не могло делаться без ведома Великого князя.

Выше уже говорилось, как относился Государь к странной дружбе Великого князя и князя Орлова. В результате доверие Государя к Великому князю пошатнулось. К Орлову оно совсем пропало. Был заподозрен полковник Дрентельн (когда-то очень друживший с А.А. Вырубовой). С ними связывали Джунковского.

Но, пока дело касалось лично Государя, как монарха, пока дело шло о личных против Него интригах, Государь большой фаталист и человек искренно веривший в верность Армии и её начальников, не выражал намерения принимать какие-либо предупредительные меры. Но, когда разраставшаяся катастрофа на фронте стала угрожать чести и целостности России, Государь вышел из своей казавшейся пассивности.

Отлично осведомленный обо всём, что делалось в Ставке, в армиях, в тылу, хотя правду часто старались скрыть от него, болея, как никто за неудачи последних месяцев, Государь после падения Ковно решил сменить Верховного Главнокомандующего и стать во главе Армии.

Оставлять Великого князя с его помощниками на их постах было невозможно. Заменить его каким-либо, хотя бы и самым способным генералом нельзя было без ущерба его достоинству члена Императорского Дома. Выход был один — Верховное Главнокомандование должен был принять на себя сам Государь. И в сознании всей великой ответственности предпринимаемого шага, в сознании лежащего на нём долга перед Родиной, ради спасения чести России, ради спасения её — самой, Государь решился на этот шаг в критическую минуту войны.

Решение было задумано, зрело продумано и принято Государем по собственному побуждению. Принимая его, Государь исходил из религиозного сознания долга перед Родиной, долга монарха — её первого слуги и защитника.

В своём решении Государь находил опору в Царице Александре Фёдоровне. И если Государь смотрел на предстоящий шаг с точки зрения интересов России и войны, то Государыня видела в нём также и предупреждение государственного переворота, задуманного против Её Августейшего супруга, против её любимого сына.» [347]

Генерал А. И. Спиридович о ситуации, сложившейся на фронте и в Ставке, возглавляемой Вел. князем Николаем Николаевичем:

«На фронте было неблагополучно. Отступление наших войск продолжалось. Отступательное настроение Юго-Западного фронта передалось и Северо-Западному. Главнокомандующий последнего генерал Алексеев, главным советником которого являлся состоявший при нём генерал Борисов (личность довольно загадочная и неясная) всё больше и больше проникался идеей отступления и в первой половине июля это его настроение настолько не соответствовало настроению подчиненных ему высших начальников, что из нескольких военных центров в Ставку были посланы полные информации о неправильности действий генерала Алексеева и о непригодности его к его роли. Великие князья Кирилл Владимирович и Андрей Владимирович, по просьбе

фронтowych начальников, докладывали о том, какое паническое впечатление производят распоряжения и действия генерала Алексеева.

В Ставке царил растерянность. Николай Николаевич был величина декоративная, а не деловая. Уже в половине июля генерал Поливанов, выдвинутый на его пост Ставкой, сделал в Совете Министров доклад о той растерянности и охарактеризовал деятельность Ставки очень резко и нелестно. — «Назад, назад и назад — только и слышно оттуда», — говорил Поливанов. — «Над всем и всеми царит генерал Янушкевич...

Никакой почин не допускается... Молчать и не рассуждать — вот любимый окрик из Ставки... Печальнее всего, что правда не доходит до Его Величества... Повторяю господа: отечество в опасности», — закончил свой потрясающий доклад Поливанов.

В половине июля немцы перешли Вислу. 22 мы оставили Варшаву, а 23 Ивангород. Начались атаки Осовца. Генерал Алексеев окончательно растерялся. Его паническое настроение настолько развращающе действовало на окружающих, что у штабных офицеров возникла мысль убить генерала Алексеева ради спасения фронта. Великому князю Андрею Владимировичу пришлось долго убеждать офицеров не делать этого, дабы не вносить ещё больше беспорядка.

4 августа пала крепость Ковно. Комендант бежал. Сдача Ковно подняла слухи об измене. Ставка так сама приучила к тому, что всякую её неудачу объясняли какой-нибудь изменой, чего на самом деле не было, что и теперь этой новой сплетне верили.

6 августа сдался Новогеоргиевск. В этот день Поливанов заявил в Совете министров: «Военные условия ухудшились и усложнились. В слагающейся обстановке на фронте и в армейских тылах можно каждую минуту ждать непоправимой катастрофы. Армия уже не отступает, а попросту бежит. Ставка окончательно потеряла голову...»

10 августа пал Осовец. Эвакуируют Брест-Литовск. Ставка Верховного Главнокомандующего перешла из Барановичей в Могилёв. При отступлении срывается с мест мирное население и гонится внутрь страны.

Отовсюду, с Запада на Восток, идёт насильственная эвакуация еврейского населения, которое заподозрено в массовом шпионаже на немцев. Все эти русские и еврейские беженцы, как саранча двигаются на восток, неся с собою панику, горе, нищету и болезни. Благодаря отступлению театр военных действий, как таковой, увеличивается и автоматически переходит под власть военных. Новая власть не успевает организовать, всюду беспорядок, хаос. Имя генерала Янушкевича на устах у всех, его ругают все — и статские, и военные, а еврейское население его просто проклинает. Популярность Вел. Кн. Николая Николаевича падала с каждым днём. В Петербурге и в правительственных кругах вину во всём Янушкевича, которого больше всех валил теперь своими потрясающими докладами генерал Поливанов, которому верила вся общественность. Его называли даже, как желательного премьера на место Горемыкина.

Тяжёлое положение усугублялось поведением Государственной Думы, которая вместо того, чтобы помогать правительству, играла в оппозицию и сеяла

смуту, стремясь к расширению своих прав. Дума хотела добиться ответственного министерства, что прикрывалось пока фразами о правительстве «пользующемся доверием страны». В думе муссировались слухи, что Царица хочет сепаратного мира. Говорили о желательности регенства Великого князя Михаила Александровича». [348]

7 августа 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Вятки в Царское Село — Анне Вырубовой:

— Вятка — Ц. С. — А.

Господь благословляет твёрдую руку. Бесповоротно передай всех ласкою. [349]

9 августа 1915 г. Телеграмма Григория Ефимовича из Покровского в Царское Село — Государю Императору Николаю II:

— Покр. — Ц. С. — Е. В.

Благословение Божие и твердыня твоя во славе Христа, яко ждём и утешимся невидимо славим и прославится яко с нами Бог торжество в древности, яко с нами Бог. [350]

9 августа 1915 г. Государь принял решение взять на себя верховное командование армией.

А. А. Танеева (Вырубова) «Страницы моей жизни»:

«После падения Варшавы Государь решил бесповоротно, без всякого давления со стороны Распутина, или Государыни, или моей, стать самому во главе армии; это было единственно его личным непоколебимым желанием и убеждением, что только при этом условии враг будет побеждён. «Если бы вы знали, как мне тяжело не принимать деятельного участия в помощи моей любимой армии», — говорил неоднократно Государь». [351]

Генерал А. И. Спиридович о завершении истории с «Яром»:

«Некоторые думали, что на этот раз Распутину пришёл конец, но напрасно. Друзья Старца дружно поднялись на его защиту. В Москву для проверки сообщённых Джунковским сведений о скандале «У Яра» был послан, неофициально, любимец Царской Семьи, флигель-адъютант Саблин. Туда же выехал с той же целью и пробиравшийся в доверие к Анне Александровне, Белецкий [С.П. Белецкий — директор Департамента полиции]. Стали собирать справки. Уволенный Московский градоначальник Андрианов сообщил оправдывающие Старца сведения. Он переменял фронт. Всё делалось тихо и секретно, по-семейному.» [текст по репринтному изданию взят из интернета и соответствует ссылке на Харвест] [352]

15 августа 1915 г. Из воспоминаний генерала А. И. Спиридовича:

«15-го августа, вернувшийся из Могилёва генерал Джунковский был приглашён экстренно к министру Внутренних дел князю Щербатову.

Князь объявил генералу, что он только что получил записку от Государя Императора: — «Уволить немедленно генерала Джунковского от занимаемых им должностей с оставлением в свите». [353]

Освещение генералом А. И. Спиридовичем событий, связанных с личностью Джунковского и его отстранением от должности тов. мин. вн. Дел:

«Удар был и неожиданный и сильный. Только десять дней тому назад, после доклада о Распутине, Государь был очень милостив. Пораженный случившимся, генерал 16 отправил Государю письмо, прося как милости отчислить его из свиты и уволить в отставку, с тем что, подлечившись он будет просить о поступлении в действующую армию. Ответа на это письмо не последовало, оно было сочтено за демонстрацию.

Увольнение Джунковского подняло большой шум и это было сразу же приписано немилости Императрицы и проискам Распутина. Дело в том, что о докладе генерала узнали многие. Теперь говорили, что ездившие в Москву Н. П. Саблин и Белецкий привезли неблагоприятные для Джунковского сведения, сообщенные, будто бы, Юсуповым и уволенным градоначальником Адриановым. Последний искал теперь поддержки у А. А. Вырубовой и заявлял, что в знаменитом апрельском скандале «у Яра» Распутин ничего особенно скверного не делал и был оклеветан.

Эти слухи подогрели общие симпатии к уволенному Джунковскому. Он был завален письмами и телеграммами с выражением сочувствия. Принц Ольденбургский предлагал ему место при себе. Эти выражения симпатии были приняты в Царском Селе, как демонстрация против Государыни. Это как бы окончательно уронило Джунковского в глазах Их Величеств, особенно, когда до них дошли слухи, что приехавший в Москву Джунковский был принят почётно в московское дворянство, удостоился чествования дворянами и тогда, не стесняясь, рассказывал о своей борьбе с Распутиным и о его злой роли.

От Гучкова генерал получил тогда письмо, в котором тот, выражая свои сочувствия, прозрачно, указал что, когда придёт момент, то новая Россия не забудет заслуг генерала и т. д. Поблагодарив автора за внимание, генерал ответил ему, что изменником своему Государю он никогда не был и не будет.

Стараясь позже полнее осветить истинную причину увольнения Джунковского и постигшей его немилости Государя, я узнал следующее.

Его начальник, князь Щербатов считал, что его уволили за то, что в появившейся в прессе статье о Распутине, Государь нашёл некоторые фразы, тождественные с фразами доклада Джунковского. Дворцовому коменданту, Воейкову Государь сказал в те дни по поводу доклада Джунковского так:

«Джунковский меня очень удивил, поднимая вопрос, уже поконченный на докладе Маклакова два месяца тому назад».

Н. П. Саблин передавал мне, со слов Государя, следующее. Сделав Государю доклад и уходя, Джунковский оставил Его Величеству письменный

доклад о Распутине. В нем Государь нашёл сведения, которых генерал не доложил Государю. Государь рассердился, назвал такой поступок не достойным и трусостью.

Мне же лично кажется, что истинная причина увольнения генерала кроется ещё и в следующем. От генерала Джунковского Государь никогда не слышал доклада, предостережения о том, что подготовлялось в смысле «заговора». Не считал ли Государь (а Царица наверно считала) это молчание странным, если не подозрительным со стороны того, кто по должности должен был бы первым знать о том и доложить Его Величеству.

Не докладывалось ничего на эту тему Государю и со стороны князя Щербатова. Позже князь писал мне:

«Относительно вашего второго вопроса, могу вас заверить, что ни от кого из моих коллег по Совету Министров, ни от Маклакова (с которым я был ещё по Полтаве в личных хороших семейных отношениях), ни от кого-либо из подчинённых или многочисленных знакомых из самых разнообразных слоёв общества, я никогда не слышал о замышлявшемся, будто бы, государственном перевороте в пользу В. Кн. Николая Николаевича, тем более не имел я основания говорить на эту тему с Государем.»

В следующие дни все разговоры вертелись около Распутина, тем более, что в «Биржевых Ведомостях» и в «Вечернем Времени» появились статьи о Старце. И если в первой, еврейской по издателю, газете там была вполне приличная биография, то во второй, считавшейся по имени Суворина, правой и националистической, была сплошная клевета и клевета гнусная на него.

Этому не удивлялись, потому что всегда под хмельными парами, Борис Суворин дружил с Гучковым. На Распутина клеветали, что Старец агитирует за сепаратный мир, что он пользуется покровительством немецкой партии, что за ним числится несколько судебных дел, прекращённых Щегловитовым. Всё это была сплошная неправда, но публика всему этому верила, понимая между строк, что за всем этим стоит Императрица. Считавшийся патриотом, Борис Суворин вёл тогда самую преступную антипатриотическую журнальную работу. Всё это печаталось при наличности военной цензуры. Возмущённый Государь вызвал в один из тех дней Начальника Округа генерала Фролова и сделал ему строгое внушение. Генерал пригласил соредатора «Биржевых Ведомостей» Гаккебуша-Горелова и уже разругал его по военному, грозя и ссылкой, и Сибирью. Горелов ссылался на разрешение военной цензуры и был прав.

За него перед Фроловым и заступился заведовавший военной цензурой генерал Струков, добряк — старик, уж никак к роли цензора, да ещё во время войны неподходящий, и дело заглохло.

Но в Царском Селе считали, что всё, что касается печати, зависит от министра Внутренних дел, теперь от Щербатова, а потому и винули Щербатова в излишней мягкости, если не в попустительстве. Его считали ставленником и сторонником В. кн. Николая Николаевича. Дни его были сочтены.» [354]

Упоминание генералом Спиридовичем Вел. князя Николая Николаевича далеко не случайно. Можно с уверенностью считать, что Джунковский был его человеком. Недаром Вел. князь в ответ на увольнение Джунковского сразу предложил ему место на Кавказе, куда Николай Николаевич был назначен наместником после отстранения от верховного главнокомандования. В этой связи представленная информация позволяет дополнить картину и понять степень участия Джунковского в крайне опасной игре вокруг Царского престола, которую вели многие высокопоставленные лица, в той или иной степени вовлечённые в орбиту интересов Великого князя Николая Николаевича.

Источники:

257. Материалы Чрезвычайной Следственной Комиссии, приобретенные *М. Л. Растроповичем* на аукционе Сотбис (Лондон, 1995 г.); цит. по: *Радзинский Э.* Распутин: жизнь и смерть. М: Вагриус, 2001. С. 228.
258. Дневники Императора Николая II. М.: Орбита, 1991, ОРБИТА. С. 520.
259. *Спиридович А.И.* Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. — Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960-62.// Сайт «Милитера» («Военная литература»): militera.lib.ru и militera.org. С. 112-115
260. Дневники Императора Николая II. М: ЦГАОР СССР, Московский филиал изд-ва «Орбита», 1991 г. стр. 521
261. Дневники Императора Николая II. М: ЦГАОР СССР, Московский филиал изд-ва «Орбита», 1991 г. стр. 521
262. ГАРФ. Ф. 516, оп. 219/2728, л.8// Цит. по: Хроника великой дружбы. Санкт-Петербург: Царское дело, 2007, стр. 187
263. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М.: Родник, 1996. С. 115.
264. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М.: Родник, 1996. С. 117
265. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М.: Родник, 1996. С. 119–120.
266. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М.: Родник, 1996. С. 121.
267. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 87.
268. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 124-125.
269. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 120.
270. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 125-126.
271. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 100.
272. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 129.

273. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 103.
274. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 130.
275. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 115.
276. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 131.
277. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 112.
278. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 115.
279. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 134.
280. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 115.
281. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 135.
282. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 12; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
283. Дневники Императора Николая II. М: ЦГАОР СССР, Московский филиал изд-ва «Орбита», 1991 г. стр. 526
284. Дневники Императора Николая II. М: ЦГАОР СССР, Московский филиал изд-ва «Орбита», 1991 г. стр. 527
285. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 138.
286. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 139.
287. Августейшие сестры милосердия. М: Вече, 2006. С. 89-90.
288. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 141.
289. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 12; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
290. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Том 2. Под общей редакцией Паниной А.Л. Предисловие и примечания И.М. Пушкарёвой и З.И. Перегудовой. Издательство имени Сабашниковых, Москва, 1997. С. 552-554.
291. Платонов О.А. Жизнь за Царя. Правда о Григории Распутине. М: Лествица, 1999. С. 374-375 // со ссылкой на ГАРФ, ф. 612, оп. 1, д. 22, л. 56-57.
292. Платонов О.А. Жизнь за Царя. Правда о Григории Распутине. М: Лествица, 1999. С. 375 // со ссылкой на ГАРФ, ф. 612, оп. 1, д. 22, л. 58.
293. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Том 2. Под общей редакцией Паниной А.Л. Предисловие и примечания И.М. Пушкарёвой и З.И. Перегудовой. Издательство имени Сабашниковых, Москва, 1997. С. 554-556.
294. Дневники Императора Николая II. М: Орбита, 1991. С. 529.

295. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 118-119.
296. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 119.
297. Дневники Императора Николая II. М: Орбита, 1991. С. 531.
298. Дневники Императора Николая II. М: ЦГАОР СССР, Московский филиал изд-ва «Орбита», 1991 г. стр. 531
299. *Спиридович А.И.* Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. — Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960-62. (1, 2 книги — 1960, 3 книга — 1962) // Сайт «Милитера» («Военная литература»): militera.lib.ru и militera.org // Книга I, Глава двенадцатая С. 172
300. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 146.
301. Дневники Императора Николая II. М: ЦГАОР СССР, Московский филиал изд-ва «Орбита», 1991 г. стр. 532
302. Дневники Императора Николая II. М: Орбита, 1991. С. 533.
303. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 145-146.
304. *Шавельский Г.* Русская Церковь пред революцией. М: Артос-Медиа, 2005. С. 116.
305. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 146.
306. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 124.
307. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 147-148.
308. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 149-151.
309. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 128-129.
310. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 129.
311. Там же.
312. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 130-132.
313. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 151.
314. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 152-153.
315. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 154-155.
316. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 156-159.
317. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 160-161.

318. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 164.
319. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 165-166.
320. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 169-170.
321. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 171.
322. Августейшие сестры милосердия. М: Вече, 2006. С. 113.
323. *Платонов О. А.* Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М: Родник, 1996. С. 173.
324. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 133.
325. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 13; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
326. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 24; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
327. *Шавельский Г.* Русская церковь пред революцией. М: Артос-Медиа, 2005. С. 115
328. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 12; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
329. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 13; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
330. Дневники Императора Николая II. М: Орбита, 1991. С.378.
331. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 13; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
332. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 24; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
333. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 13-14; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
334. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 24; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
335. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 24; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
336. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 14; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
337. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 24-25; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
338. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 92; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
339. Верная Богу, Царю и Отечеству. С-Пб: Царское Дело, 2005. С. 86.
340. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 14; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
341. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 14; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.

342. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 15; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
343. Дневники Императора Николая II. М: Орбита, 1991. С. 541.
344. Дневники Императора Николая II. М: Орбита, 1991. С. 541-542.
345. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 59; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
346. *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 140.
347. *Спиридович А.И.* Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. — Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960-62. (1, 2 книги — 1960, 3 книга — 1962) // Сайт «Милитера» («Военная литература»): militera.lib.ru и militera.org // Книга I, Глава двенадцатая С. 176-177
348. *Спиридович А.И.* Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. — Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960-62. (1, 2 книги — 1960, 3 книга — 1962) // Сайт «Милитера» («Военная литература»): militera.lib.ru и militera.org // Книга I, Глава двенадцатая С.174-175
349. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 16; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
350. Записная книжка Императрицы Александры Федоровны с копиями телеграмм, писем Григория Распутина. С. 16; ГАРФ, ф. 640, оп. 1, ед. хр. 323.
351. Верная Богу, Царю и Отечеству. С-Пб: Царское Дело, 2005. С. 86.
352. *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 139.
353. *Спиридович А.И.* Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004. С. 145.
354. *Спиридович А.И.* Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. — Нью-Йорк, Всеславянское Издательство, 1960-62. (1, 2 книги — 1960, 3 книга — 1962) // Сайт «Милитера» («Военная литература»): militera.lib.ru и militera.org // Книга I, Глава двенадцатая С. 180-182.